

Олег
РОЙ

ОН & ОНА

ДИАНА
Машкова

Олег Рой
Он & Она

«ЭКСМО»

2011

Рой О. Ю.

Он & Она / О. Ю. Рой — «Эксмо», 2011

Есть произведения, написанные в соавторстве. Ильф и Петров, Анн и Серж Голон... Олег Рой и Диана Машкова продолжили эту традицию. Но уникальность их романа в том, что он представляет собой перевертыш: одна и та же история рассказывается с позиции мужчины и с позиции женщины. Вы думаете, что сюжет таким образом дублируется? Отнюдь! Ведь мотивы поступков у женщины и мужчины, как правило, не тождественны. Особенно когда дело касается любви и брака.

© Рой О. Ю., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Олег Рой	5
Предисловие к части Олега Роя	7
1	9
2	13
3	19
5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

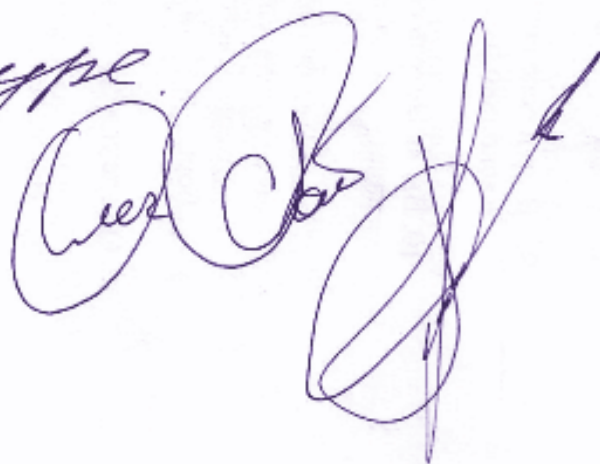
Олег Рой, Диана Машкова Он & Она

Олег Рой
Он&Она

Дорогой читатель „ЛитРес“!

Я очень рад, что имеет
возможность обратиться
к каждому из вас с
пожеланиями удачи,
счастья, любви... Ведь
именно эти слова
вы так часто будете
встречать в хорошей
литературе.

Ваш

Предисловие к части Олега Роя

Дорогой читатель!

Вы держите в руках уникальную книгу-перевертыш, созданную культовыми писателями современной прозы Олегом Роем и Дианой Машковой. Этот проект вынашивался долго. Но результат превзошел ожидания. Вас ждет лихо закрученный сюжет, яркие образы, в которых легко узнаются реальные персоны, современная трактовка вечной темы – темы любви. Но главное: авантюра, связанная с бракоразводным процессом, дается с двух позиций – МУЖСКОЙ и ЖЕНСКОЙ. Согласитесь, автор-мужчина часто бывает пристрастен к героиням, а автор-женщина – к героям. У вас есть возможность объективно взглянуть на жизненные ситуации и поведение людей, воссозданных в романе. И кто знает, ОН или ОНА вызовет у вас сочувствие...

Заинтригованы? Тогда приступайте! Только не забудьте: окончательный финал вас ждет после того, как будет прочитана вторая часть перевертыша, написанная Дианой Машковой!

Издатель

Ласковые волны с мягким шелестом набегали на золотой песок. Теплый ветер, дувший с океана, играл листьями мангового дерева и заставлял поскрипывать старую кокосовую пальму, в тени которой весьма удобно расположились два шезлонга. Томно раскинувшись на них, молодые мужчина и женщина наслаждались изысканным отдыхом. Именно изысканным, поскольку остров Тартл, или же Черепаший остров на Фиджи, где они проводили время, по праву считается одним из самых феешенбельных курортов в мире. Это место для избранных. Здесь всего-навсего четырнадцать бунгало с соломенными крышами и открытыми верандами с видом на океан и столько же пляжей. И каждый день пребывания в земном раю обходится в столь круглую сумму, что многим, очень многим, не заработать ее и за несколько лет.

– С ума сойти, как же тут тихо!.. – блаженно вздохнула девушка, лениво потягивая манговый сок.

– Да уж... – отвечал ее спутник, тело которого энергично массировала миниатюрная и хорошенькая, как куколка, китайка. Мужчина только постанывал от давления ее хрупких рук. – Это тебе не Москва...

– Милый, – девушка бросила на него кокетливый взгляд, – а ты знаешь, чем прославится этот остров?

– Угу, – промычал он. – Здесь снимался сериал «Голубая лагуна»... После съемок остались бунгало, вот нынешнему владельцу острова и пришлось в голову создать частный отель... М-м-м...

– А вот и не угадал! – хихикнула девушка и отставила на столик пустой стакан. – При чем здесь какая-то «Голубая лагуна»? Здесь отдыхаем мы с тобой – вот что главное! Именно это и станет его главной достопримечательностью. Тем туристам, которые приедут сюда после нас, хозяева отеля назначат двойную цену за бунгало – потому что в нем жили именно мы!

– А, вот в чем дело! – он тоже засмеялся. – Да уж, от скромности ты точно не умрешь... Ох! Ну аккуратнее! Больно же! – Последние слова уже были обращены к массажистке. Та закивала, давая понять, что чувствует себя виноватой.

– Скоро она там с тобой закончит? – капризно протянула девушка. – А то я уже хочу купаться...

– Ну так иди, кто же тебе не дает?

– Нет, я не хочу одна, я хочу с тобой!

– Тогда придется потерпеть, сеанс только начался... М-м-м... Вот теперь хорошо... Скажи, чтобы тебе принесли еще сока.

– Знаешь, что я думаю? – Девушка, прищурившись, глядела куда-то вдаль, туда, за горизонт, где голубая вода сливалась в единое целое с таким же голубым безоблачным небом.

– Понятия не имею. М-м-м... И что же ты думаешь?

– Думаю, что нам с тобой нужно будет оформить брачный контракт.

– Вот вам и здравствуйте! – Он даже открыл глаза и, слегка приподнявшись, удивленно поглядел на нее: – С чего это вдруг?

– Я так решила.

– Неужели ты мне не доверяешь? – Он произнес это с комическим пафосом, но в голосе сквозила легкая обида. – А я-то думал, что у нас с тобой вечная любовь и верность до гробовой доски...

– Любовь любовью... – Девушка повела обнаженными плечами и привычно оглядела себя – не начала ли обгорать? Нет, вроде бы все в порядке. Однако снова помазаться молочком для тела будет нелишним – солнце еще высоко... Она потянулась за тюбиком солнцезащитного средства. – Но подстраховаться тоже не мешает. Кто знает, как сложится наша жизнь дальше?

– Хорошо, как скажешь. Контракт так контракт, – неожиданно легко согласился мужчина. Быть может, он признал убедительность ее довода, но, вероятнее всего, ему просто лень было спорить в такой обстановке – на пляже, под тропическим солнцем, в состоянии расслабленной неги восточного массажа.

Девушка улыбнулась ему, и ее улыбка была одновременно торжествующей и нежной. Где-то за их спинами послышался шорох, потом глухой звук удара – видимо, с пальмы упал созревший кокос. И снова наступила эта дивная тишина, нарушаемая лишь криками тропических птиц, шелестом листьев да тихим плеском волн.

1

В здание суда Анна и Антон Котовы приехали порознь, но почти одновременно, с разницей буквально в несколько минут. Анна, обожавшая роскошь и блеск, которые считала проявлением хорошего вкуса, прикатила первой – на Bentley с личным шофером. Выход из машины она всегда превращала в маленький спектакль. Оба автомобиля – ее собственный и джип охраны – останавливались строго одновременно, затем, точно в сцене из кинофильма, из джипа картинно выскакивали секьюрити и выстраивались у дверцы Bentley, чтобы в случае чего тут же закрыть хозяйку от возможной опасности своими накачанными телами. И хотя за все то время, которое Анна владела развлекательным телеканалом, ни у кого и мысли не возникло напасть на нее, охрана соблюдала ритуал каждый раз все так же неукоснительно.

В отличие от супруги Антон Котов демонстративности не любил и в глаза предпочитал не бросаться. Поэтому его приезд в суд выглядел гораздо скромнее: ни охраны со спецэффектами, ни супер-пупер понтового автомобиля – депутату Государственной думы такого рода показуха совсем ни к чему. Антон ездил на черной BMW-«семерке», а вместо секьюрити его обычно сопровождали многочисленные референты и помощники – дел у слуг народа, как известно, невпроворот, одному не то что не справиться, но даже всех распоряжений в голове не удержать. Сегодня на заседании суда по делу о разводе референты, конечно, были ни к чему, но без свиты все равно не обошлось. Рядом с Антоном семенил его адвокат Михаил Львович, полный пожилой мужчина с комически густыми бровями, а позади цокала каблучками юная блондинка в мини-юбке и розовой кожаной курточке со стразами Сваровски. Блондиночку звали Диной, она была племянницей Михаила Львовича, училась на первом курсе юридической академии, и сегодня дядя впервые взял ее с собой, чтобы «девочка на практике овладевала азами будущей профессии». Выйдя из BMW, Антон галантно подал руку Дине и по ходу обшарил взглядом ее фигурку. Да, определенно недурна. Грудь маловата, зато ножки длинные и попка круглая и крепкая. Вполне ничего себе девочка, вот только сопливая совсем... В отличие от многих мужчин его возраста и положения Антон не слишком любил малолеток, ему нравились девушки чуть постарше и поопытнее, лет двадцати трех – двадцати пяти. Такие, которые уже хорошо знают, как доставить мужчине удовольствие, а не строят из себя принцесс, искренне считающих, что их юное тело – уже само по себе невообразимый подарок и больше от них в постели ничего и не требуется.

– О, я смотрю, моя благоверная уже здесь, – заметил Антон, увидев на стоянке серебристый Bentley со знакомым номером из трех троек. «Три» было любимым числом Анны. На заре их знакомства он иногда поддразнивал молодую жену тем, что тройка, видимо, была самой привычной для нее отметкой, на что Анька обижалась и принималась уверять, что ничего подобного: и в школе, и в универе она была круглой отличницей. И в это Антон охотно верил, но совсем не потому, что его супруга проявляла какие-то недюжинные умственные способности. Просто при таком папочке, как у нее, учиться на одни пятерки было совсем несложно, знай успевай только вовремя подмамливать преподавателей.

Как обычно, воспоминание о ранней поре их семейной жизни не вызвало у Антона ни досады, ни ностальгической печали, ни каких-либо иных сантиментов. Смешно грустить об ушедшей любви человеку, у которого это слово всегда вызывало только усмешку. Конечно, первое время Антон эту усмешку скрывал: до свадьбы и некоторое время после Анне хотелось, чтобы он признавался ей в любви как можно чаще, – и он постоянно рассказывал ей о бурных чувствах, которых на самом деле не испытывал. Однако со временем она все поняла и перестала докучать ему подобными глупостями. В общем и целом, надо отдать Аньке должное – жили они все эти годы неплохо. Она все время насаждала на отца, чтобы он всячески помогал зятю продвинуться, а тот не мог отказать обожаемой единственной дочери. А когда с возрастом

из ее головы выветрились романтические фантазии и наивные девичьи представления о жизни, стало совсем хорошо. Супруги зажили каждый своей жизнью и не мешали друг другу. Антон и дальше бы так жил, если бы Анька вдруг не задумала. Но что делать – возраст. Говорят, у многих баб ближе к сороковнику крышу сносит. От Аньки теперь что угодно можно ожидать. А бизнес-то весь на нее оформлен... Так что разводиться, и баста! Разводиться и побыстрее прибираться к рукам все денежки...

– Волнуетесь? – поинтересовался Михаил Львович, когда они пересекали вестибюль здания суда.

Антон лишь усмехнулся в ответ:

– С чего это вдруг? Мы же с вами обыграли ее на несколько ходов вперед. Так что наше дело верное. – И похлопал адвоката по карману пиджака, где, как Антон знал, лежало главное их оружие.

Поскольку у них еще оставалось время до начала заседания, Антон, не торопясь, заглянул в мужскую комнату. Юная Дина воспользовалась его отсутствием и тут же пристала к Михаилу Львовичу с расспросами:

– Дядя, ты не забыл, что так и не ввел меня полностью в курс дела?

– Разве? – удивился адвокат. – Я думал, что все тебе рассказал. Что тебе еще неясно?

– Хотелось бы уточнить кое-какие детали предстоящего слушания, – студентка из всех сил старалась говорить на профессиональном языке, но получалось у нее неважно.

– И что же тебя интересует?

– Ну, например, сколько у них денег?

– А, вот оно что! В целом состояние супругов Котовых оценивается в сумму около шестисот миллионов долларов США.

– Вау! – взвизгнула блондинка, но тотчас слегка погрузтела: – Значит, после развода у Антона... Сергеевича останется только триста миллионов, да?

Михаил Львович покачал головой:

– Нет, детка, тут не так все просто. Разделить капитал пополам было бы легче всего, но ни один из супругов этого не хочет.

– Почему?

– Странные вопросы ты задаешь, – улыбнулся адвокат. – Потому что целое всегда больше, чем половина. Разве ты не изучала математику в школе?

– А как тут можно отсудить себе все состояние? – похоже, Диночка проявляла не только профессиональный интерес. Судя по всему, Антон Котов явно ее заинтересовал.

– В данном случае – элементарно. Помнишь, я говорил тебе, что вскоре после свадьбы Котовы подписали брачный контракт?

– Да, кажется, говорил что-то... – блондинка наморщила гладкий лобик.

– «Кажется», «что-то»!.. – передразнил Михаил Львович, сердито нахмутив кустистые брови. – К твоему сведению, в лексиконе профессионала вообще не должно быть таких слов! Юрист всегда должен быть тверд и преподносить информацию уверенно. Даже когда то, что он говорит, далеко от истины. Не научившись этому, ты никогда не станешь специалистом.

– И не надо! – беспечно хихикнула Диночка. – Зачем мне быть специалистом? Я лучше выйду замуж за обеспеченного человека. Вот такого, как Антон... Сергеевич. Так что, ты говоришь, у них там с брачным договором?

– Контрактом, Диночка, лучше говорить контрактом, – против воли адвокат не смог сдержать улыбки, глядя на свою племянницу, такую хорошенькую, молоденькую и такую самоуверенную. Черт его знает – а вдруг у нее и впрямь все получится? – В этом контракте у них присутствует особенный пункт – пункт о неверности. Если бы я был поэтом, то сказал бы, что шестнадцать лет назад Котовы поставили на официальных бумагах две росписи: одну за согласие соединить свои души перед Богом, другую – на случай дьявольского искушения.

Согласно этому пункту, если один из супругов изменит другому и останется видеозапись, служащая доказательством неверности, то при разводе все совместно нажитое имущество и капитал достанутся обиженной стороне.

– А что, в брачных контрактах и такое бывает? – Дина удивленно округлила густо накрашенные глазки.

– И даже не такое, – заверил ее адвокат. – Юридические документы, заключенные в девятые, – это вообще отдельная песня. Взять хотя бы завещание, с которым мне недавно пришлось иметь дело, так там...

– Значит, обязательно должны быть доказательства измены? – беспардонно перебила дядюшку блондинка.

– Совершенно верно. Причем именно видеозапись, а не фотографии. Шестнадцать лет назад этот ваш... как его... все время забываю... компьютерная программа, с помощью которой убирают морщинки и жировые складки лучше всякой пластической хирургии?

– «Фотошоп», – снисходительно подсказала Диночка.

– Да, точно. Так вот, хоть «Фотошоп» в то время еще не был в ходу, но о том, что фотографии легко подделать, представление уже имелось. А вот в видео тогда компьютерная графика еще не вмешивалась. Во всяком случае, не в таких масштабах, как сейчас.

– Так что же получается – у Антона есть видеозапись, доказывающая неверность его жены? – блондинка вся расцвела от своей догадки.

Ответить адвокат не успел – перед ними вновь появился его подзащитный. Извинившись, что заставил ждать себя так долго, Антон Котов спрятал в карман мобильный телефон и решительными шагами направился в нужный зал. Дядя с племянницей поспешили следом.

– Ну наконец-то! – фыркнула Анна, демонстративно кинув взгляд на усыпанные мелкими бриллиантами золотые часики Cartier. – Ты заставляешь себя ждать.

– Да, это всегда было твоей привилегией, – тут же парировал Антон, бегло оглядывая помещение. Зал ему не понравился – тесно, душно, обстановка какая-то убогая. Впрочем, надолго он здесь не задержится. Отстреляется побыстрее и поедет в «Палаццо Дукале», время уже обеденное.

Котовы заняли свои места за большим прямоугольным столом друг напротив друга. Рядом с Анной пристроился смазливый юнец, ее адвокатишка, по правую руку от Антона встали Михаил Львович и Дина. Увидев блондиночку, Анна презрительно оглядела ее с головы до ног и демонстративно усмехнулась. Антон ответил столь же циничным взглядом в сторону ее спутника. Оба супруга держались невозмутимо, каждый из них был уверен в своем выигрыше, каждый уже почти ощущал, что максимум через четверть часа его жизнь украсит невидимая золотая медаль за ловкость мысли и победу над обстоятельствами.

Пауза затянулась. Адвокат Анны, обычно державшийся развязно и нагло, в этот раз не спешил начать первым – то ли ступсевался перед объективно более опытным коллегой, то ли вел какую-то свою тонкую игру. Однако Михаил Львович был стреляный воробей, и такие мелочи его ничуть не смущали. И он взял слово.

– Начну с традиционного обращения к супругам, – проговорил он. – Антон Сергеевич и Анна Александровна! Долг юриста просто обязывает меня обратиться к вам с предложением простить друг другу обиды, помириться и сохранить семью. Вы прожили вместе шестнадцать лет – это немалый срок. Оба вы – фигуры влиятельные и публичные и до сей поры сохраняли имидж благополучной пары, что не только возвышало вас в глазах общества, но в том числе и способствовало профессиональному росту. Вы, Антон Сергеевич, депутат Государственной думы, вы, Анна Александровна, владеете телеканалом. Ни для кого из вас не новость, что в аспекте общественного мнения, неважно, идет ли речь о телезрителях или об избирателях, ваш развод будет большой ошибкой и отрицательно скажется на репутации обоих...

Антон слушал адвоката со скучающим видом. Более нетерпеливая Анна остановила поток красноречия Михаила Львовича движением руки, украшенной дизайнерским маникюром.

– Довольно этих нотаций. Я ясно дала вам понять через своего адвоката, что примирение исключено. У меня мало времени, так что давайте побыстрее перейдем к делу.

– Вы имеете в виду раздел имущества? – уточнил Михаил Львович.

– Раздел имущества? – фыркнула Анна. – Что вы несете? О каком разделе может идти речь?! У него ничего нет! Все наше имущество, вся недвижимость, а также бизнес – строительная компания, все производство, транспорт и все остальное – все это юридически принадлежит мне.

– Вот именно, что только юридически, – тотчас подхватил Антон. – Ты сама знаешь, что это простая формальность. За все это время ты вообще ни разу не поинтересовалась моими делами. Впрочем, и слава Богу – ты все равно ровным счетом ничего не смыслишь в строительстве.

– Не забывай, что свой бизнес ты начал на деньги моего отца! – Анна возмущенно повысила голос. – В то время у тебя самого не было ни копейки!

– Сейчас это уже не имеет никакого значения, – отбрил Антон. – Когда-то не было, теперь есть. Не забывай, что твой гламурный канал последний год существует только благодаря моей финансовой поддержке.

– Все равно ты ничего не получишь! – выпалила пока еще жена.

– Неужели? – ехидно улыбнулся пока еще муж. – Ошибаешься, дорогая!

Адвокаты попытались урегулировать нарастающий спор, но супруги уже вцепились друг в друга мертвой хваткой. Каждый из них словно стремился перекрыть партнеру кислород.

– Ты можешь выпендриваться тут сколько хочешь, – повысила голос Анна, – но у меня есть мощное оружие против тебя!

– Не смей! Ничего у тебя нет. В отличие от меня.

– У тебя тем более ничего не может быть! Ты просто блефуешь!

– Ах, вот как? – Антон обернулся к своему адвокату. – Михаил Львович, покажите-ка ей!

В тот же самый момент и Анна повернулась к своему сопровождающему. Молодой юрист раскрыл щегольскую кожаную папку и медленно стал доставать оттуда что-то, судя по бережному обращению, очень важное. Адвокат Антона с другой стороны стола действовал синхронно, в точности повторяя движения коллеги...

2

Из всех видов искусства Антон Котов признавал только кино, из кинофильмов явно выделял боевики, а из боевиков больше всего любил «Бондиану» и картины со Стивеном Сигалом. Антон на полном серьезе считал, что похож на героев этих боевиков – столь же невозмутим, уверен в себе, неотразим и так же всегда выходит победителем из любых, самых затруднительных ситуаций. Конечно, так было не всегда, но вспоминать, что было когда-то, депутат Котов не любил. Воспоминания, сентиментальная ностальгия и прочие сопли – это занятие для женщин и слабых мужчин, которых последнее время развелось видимо-невидимо. А настоящие мужики никогда не тратят время на подобную херню, у них есть дела поважнее. Антон был искренне в том уверен – и столь же искренне причислял себя к настоящим мужикам.

Да и что вспоминать-то из этого прошлого? Уж во всяком случае, не детство. По причинам, которые показались бы любому постороннему человеку непонятными и необъяснимыми, Антон привык считать начальную пору своей жизни невероятно трудным и проблемным периодом. Хотя объективно ничего особенно серьезного или страшного в его детстве не было. Ни голода, ни нужды, ни детдома, ни родителей-пьяниц, ни чего-либо из этой серии. Детство как детство, обычное и типичное для человека, родившегося в конце шестидесятых в столице огромной империи, именовавшей себя Советским Союзом. Семья Котовых жила точно так же, как жили тогда сотни тысяч других семей, но Антоха тогда этого не понимал. Он постоянно сравнивал себя со сверстниками – и сравнение вечно выходило не в его пользу.

Возможно, корни его детских бед крылись в месте жительства семьи Котовых. Обитали они в престижном районе, почти в центре столицы, но не в новых современных домах с большими квартирами, комфортабельными ванными и красивыми лоджиями, как большинство одноклассников Антона, а в старенькой двухэтажной развалюхе, построенной еще при царе Горохе. В их неуютной квартирке, ставшей двухкомнатной лишь потому, что жилое помещение перегородили пополам фанерной стенкой, вечно что-то рушилось, отваливалось, протекало и сыпалось. Обои выцвели и покрылись пятнами самого различного происхождения, полы противно скрипели сохранившимися половицами (остальные давно отклеились, обнажив грязное перекрытие), потолки приобрели стойкий серый цвет и были украшены желтовато-бурыми разводами. Но делать ремонт Котовы не спешили. Все жильцы этой старой лачуги (кроме Котовых, в доме обитало еще семь семей) знали, что пройдет еще несколько лет, и их халупу снесут, а их выселят, точнее, переселят – в новые, большие и удобные квартиры. И все из года в год жили этой надеждой, постоянно пересказывали соседям какие-то новости и слухи, что кто-то где-то уже видел какие-то постановления и документы, так что уже вот-вот... Но время шло, а долгожданного переселения почему-то не случалось, снос халупы все откладывался и откладывался. Погостив у приятелей, живших в *нормальных* домах, Антоха, возвращаясь к себе, в восьмиметровую комнату, которую он делил с бабушкой, особенно остро ощущал убожество собственного жилища.

К тому же квартирный вопрос был не единственным переживанием его юных лет. Учился Антоха в спецшколе с английским уклоном, считавшейся одной из лучших (а то и лучшей) в районе. В эту школу родители устраивали своих чад по большому благу или за взятки, а Антон попал туда совершенно случайно. В то время школы, даже самые что ни на есть элитные, обязаны были принимать детей из близлежащих домов, а он жил совсем рядом – только двор пересечь. Одноклассники, которым нужно было ходить на занятия издалека и даже ездить в школу на автобусе, завидовали Тохе: счастливый, может спать аж до восьми пятнадцати! А чего ему: встал, форму напялил – и бегом, как раз к звонку поспел. А Тошка в ответ отчаянно завидовал им. Всему тому, что было у этих ребят, – дорогим игрушкам, фирменным шмоткам, всем этим импортным вещичкам, о которых он мог только мечтать. Его родители не ездили

за границу и не имели возможности втридорога покупать дефицитный товар у спекулянтов. Особенно тяжело стало, когда отец ушел от них *в другую семью* (Антон учился тогда во втором классе). На алименты, небольшую бабушкину пенсию и зарплату инженера-технолога, которую мама получала у себя на комбинате «Красная роза» семья ухитрялась как-то сводить концы с концами, но, конечно, на джинсы Levi Strauss или Super Rifle с висюльками на «молниях» задних карманов, о которых Антоха грезил день и ночь, им не хватало. Мама и бабушка из кожи лезли вон, чтобы их любимый мальчик не чувствовал себя обделенным из-за того, что *растет без отца*. Они отказывали себе во всем, только чтобы обеспечивать его фруктами, лакомствами и игрушками – сначала детскими, потом подростковыми, такими, как велосипед и магнитофон. Чтобы купить в комиссионке кассетник, мама сэкономила на себе и даже зимой в лютые морозы ходила в старом осеннем, как тогда это называлось, демисезонном пальто – а Антохе было стыдно за нее перед одноклассниками. Еще бы, ведь их мамы приезжали на родительские собрания в собственных «Жигулях» или «Волгах» с водителями, а одевались в дубленки и модные высокие сапоги на каблуках. И потому даже знакомства приятелей со своими родителями он избегал, а уж о том, чтобы позвать кого-то из друзей в гости, не могло быть и речи.

Чтобы не чувствовать себя в школе хуже всех, Антон Котов с самых первых лет учебы стремился стать отличником. Парнем он был способным, и в младших классах учеба давалась ему легко. Потом, разумеется, пришлось постараться – но темп был уже взят, и терять его Тохе не хотелось. Настойчивого и общительного мальчика часто выбирали на всевозможные должности: сначала старостой, потом председателем совета отряда класса, затем председателем пионерской дружины школы – и вскоре Антошка Котов понял все преимущества таких назначений. К старшим классам он уже отлично разобрался в том, как функционирует советская система, и определил свое место в ней. Партийная карьера – вот самый прямой и надежный способ добиться в этой стране успеха, положения в обществе и, что особенно важно, финансового благополучия.

Интересно, что, сделавшись ярым борцом идеологического фронта, Антон Котов никогда всерьез не анализировал эту самую социалистическо-коммунистическую идеологию, не размышлял над системой ее ценностей, не замечал противоречий. Точнее, последнее не совсем верно. Противоречия он, конечно, замечал и именно в них и видел все будущие перспективы, все выгоды для себя. Чем активнее будешь делать вид, что печешься о благе трудящихся, тем лучше будешь жить сам. А ничего другого ему и не нужно было.

Было у Антона Котова еще одно качество, всегда и всю жизнь его очень выручавшее, – внешние данные, то самое, что впоследствии стало называться имиджем. Он от природы был привлекателен, но не конфетно-смазлив, как мальчики-модели в глянцевах журналах. Внешне он скорее напоминал положительных героев политических плакатов, с их мужественными, открытыми и честными лицами. Зная за собой такую особенность, Антон уже с юности постоянно работал на образ – коротко стригся, одевался с особой аккуратностью, предпочитая строгие классические костюмы и белые рубашки, много занимался спортом. На самом-то деле он не был ни открытым, ни честным, ни порядочным человеком – но впечатление производил именно такое и беззастенчиво пользовался этим. Высокий, стройный, мускулистый парень очень нравился не только девочкам-отличницам, но и их мамам, которые не уставали повторять, что он похож на актера Сергея Стоярова. В райкоме комсомола, где Антон Котов состоял уже с восьмого класса, он был всеобщим любимцем. Замечали его и *старшие товарищи* – партийное руководство. Дамы в строгих, мужского покроя, костюмах, благожелательно улыбались ему, мужчины хлопали по плечу и говорили, обращаясь к товарищам: «А что, Владимир Иванович, гляди – хорошая смена у нас растет. Достойная!»

Окончив школу всего с двумя четверками, Антон без особого труда поступил в Институт управления. Он старательно изучал экономику, особенно не задумываясь о том, нравится

ему эта область или нет, видя в будущей профессии, как и в идеологии, просто необходимую составляющую личного успеха. На тот момент вся дальнейшая судьба уже была продумана и запланирована Антоном. Но тут случилось непредвиденное – началась перестройка, которая обратила все его радужные перспективы в прах.

Первое время Антон пытался бороться. Вступил в партию именно в тот момент, когда все из нее выходило, до последнего надеялся, что все вернется на круги своя, с радостью и надеждой встретил и поддержал перевороты 1991 и 1993 годов, уповая на то, что «дерьмократов» наконец-то свергнут. Но, к великому его сожалению, ничего подобного не произошло. Жизнь в стране неуклонно менялась, и это означало, что доступ к вожделенной государственной кормушке, к которой Антон так стремился, закрыт для него навсегда.

Делать было нечего – пришлось приспосабливаться к новым обстоятельствам. К счастью, в период комсомольской молодости Антон сумел завести множество нужных знакомств, некоторые из которых ему очень помогли. Так, муж одной из партийных дам, отношения с которой у Антона, несмотря на двадцатидвухлетнюю разницу в возрасте, зашли гораздо дальше благожелательных улыбок, открыл совместное предприятие и внял совету жены взять к себе на работу *способного молодого экономиста*. Антон, не колеблясь ни минуты, тут же уволился из госконторы, где уже который месяц не платили зарплату. За несколько лет он успел поработать в двух совместных предприятиях и в одном банке и основательно поправил свои пошатнувшиеся было финансовые дела, обзавелся иномаркой, приоделся, начал ездить отдыхать за границу по два, а то и по три раза в год. В сочетании с квартирой, приобретенной еще в «комсомольские» времена (благодаря хлопотам еще одной партийной дамы Котовы покинули наконец ненавистную халупу и получили две однушки, что позволило Антону поселиться отдельно), это могло показаться неплохим положением дел. Но только не ему, не Антону Котову. Как известно, аппетит приходит во время еды. И потому зарплату в семьсот долларов Антону катастрофически не хватало, подержанная Audi разонравилась, да и квартирка в Чертанове быстро перестала устраивать. Хотелось получать минимум втрое больше, иметь «Мерседес», «бэжу» или джип, поселиться в центре, а еще лучше, обзавестись собственным загородным домом. Но на зарплату менеджера воплотить все эти мечты в жизнь было невозможно. Вот если бы открыть собственный бизнес... Однако для собственного бизнеса требовался стартовый капитал, а взять его Антону было неоткуда.

Во все времена существовал, а в девяностые и активно процветал, еще один популярный способ быстрого обогащения – криминал. Кристально честным человеком Антон Котов никогда не был и потому везде, где бы ни работал, пытался прибрать к рукам те деньги, которые плохо лежали. Но делать это приходилось осторожно, дабы не разоблачали, и потому результаты каждый раз выглядели мизерными. Антон уже всерьез начал размышлять о какой-нибудь крупной операции – но тут судьба внезапно улыбнулась ему, разом освободив от подобной необходимости.

Однажды в ресторане «Метрополь», где отмечалась свадьба его сослуживицы, Антон случайно встретился со старым знакомым, Александром Михайловичем Осиповым, тем самым, что в былые времена часто хлопал его по плечу и называл своей достойной сменой. За десять лет Александр Михайлович несколько сдал (время никому не идет на пользу), но все еще держался молодцом. Увидев его костюм, явно пошитый на заказ и не в отечественном ателье, стильные туфли и часы Patek Philip, Антон сразу понял, что дела у бывшего первого секретаря райкома партии идут далеко не худшим образом. Что и подтвердилось в ходе вполне дружеской беседы, когда Антон узнал много полезного для себя. Во-первых, Осипов случайно обронил, что занимается весьма прибыльным делом – цветными металлами, а во-вторых, продемонстрировал вытащенную из пухлого портмоне Dupont фотографию дочери. «Вон она какая, моя красавица! – говорил Осипов, любовно глядя на снимок. – Правда, в личной жизни ей

что-то не везет, вышла было замуж, да неудачно. Развелась недавно... Но ничего, она у меня не пропадет».

Этот случайный полупьяный разговор перевернул всю жизнь Антона. Девушка на снимке, очень похожая на своего отца, не показалась ему красавицей, скорее даже наоборот – вытянутое лицо с тяжелой «лошадиной» челюстью, маленькие, близко посаженные глазки, угреватая кожа. Не лучше была и фигура. Слишком широкие плечи, короткие ноги и полное отсутствие груди и талии не могла скрыть даже дорогушая белая шубка, в которую куталась дочь бывшего партийного босса. Но Антона подобные мелочи не волновали. Ведь девушка была дочерью самого Осипова! И она была свободна, не замужем, то есть в состоянии поиска – это самое главное. А с лица, как известно, воды не пить.

Антон вручил Осипову свою визитку и получил взамен его карточку. Несколько дней ушло на поиск предлога для звонка Александру Михайловичу, и наконец повод нашелся. В то время в России только-только начали появляться первые загородные клубы, и Антон, прослышав об открытии одного из них, дерзнул позвонить старому знакомому и пригласить его провести выходной на природе вместе со всем семейством. Расписывая прелести рыбалки, верховой езды, тенниса и обеда на свежем воздухе, Антон в глубине души очень боялся, что ему ответят отказом. Вдруг Михалыч даст понять, что подобные развлечения его не привлекают или, того хуже, поднимет его, Антона, на смех, подчеркнув разницу в статусе – где крупный бизнесмен Осипов и где он, жалкий менеджер? Но, к удивлению и счастью Антона, ничего подобного не случилось. Осипов по телефону сразу его узнал, разговаривал доброжелательно и предложение принял весьма благосклонно, сказав даже, что его Анечка без ума от лошадей. Поговорив с ним, Антон возликовал и тут же кинулся занимать денег у всех друзей, дабы во время поездки не ударить лицом в грязь. Необходимо было произвести и на Анну, и на ее родителей самое благоприятное впечатление.

В жизни Аня оказалась ничуть не лучше, чем на фотографии. Даже хуже, если принять во внимание ее характер. Избалованная, капризная, привередливая, она то и дело морщила нос, надувала губки и была всем недовольна, начиная с погоды и заканчивая уровнем сервиса. В ресторане она заказывала самые дорогие блюда и, едва ковырнув их вилкой, отодвигала с презрительной гримаской. Теннис она не любила, местная музыка раздражала, гулять у реки было слишком холодно. Даже от прогулки верхом, заказанной специально для нее, Аня отказалась – не было настроения. Вымучивая из себя улыбку, Антон про себя подсчитывал, во что ему обернется этот отдых, и тихо ужасался. Следуя тщательно продуманному плану, он всячески старался понравиться Анне, делал все, чтобы ее очаровать, но не видел никакой ответной реакции. В общем, с ситуацией его мирило только поведение старшего поколения – в отличие от дочери супругам Осиповым здесь все нравилось, они были довольны поездкой или, по крайней мере, делали вид, что довольны. Они тоже не отказывали себе ни в чем, заказывая лучшую еду и напитки, и Антону оставалось только радоваться про себя, что он догадался взять с собой все owedенные деньги.

Когда солнце стало клониться к закату, наступило время возвращаться в Москву, Антон испытал чувство, что первая его встреча с дочерью Осипова станет и последней. Уезжая, Аня заглянула ему в глаза, пожала руку и прошептала что-то похожее на благодарность за чудесный выходной, но Антон отнесся к этому лишь как к проявлению дежурной вежливости. Плюс кокетства, свойственного молодым женщинам, ведь многим из них, когда они строят глазки, важен сам процесс и совершенно безразличен объект. Так что домой Антон Котов в тот вечер вернулся злой, усталый, как черт, и полный мрачных мыслей о бесцельно потраченных деньгах, которые теперь придется неизвестно сколько отдавать. И каково же было его удивление, когда спустя день или два Осипов сам позвонил ему, поблагодарил за отлично проведенное время и пригласил на следующий уикенд в свой загородный дом! Заканчивая разговор, он намекнул,

что инициатива приглашения исходит от Анны, – и это сообщение особенно изумило Антона. Неужели его старания не прошли даром?

Дальнейшие события подтвердили, что да, не прошли. Анна явно им заинтересовалась, и Антон приложил все усилия к тому, чтобы этот интерес перерос в нечто большее. Побывав в загородном доме и квартире Осиповых, оценив обстановку их жилищ и марки автомобилей, на которых они ездили, полюбовавшись фотографиями и видеозаписями их отдыха (Париж, Альпы, Лазурный Берег, Венеция, где Анне совсем-совсем не понравилось, Майами – и это только за последние год-полтора), послушав их разговоры о покупке недвижимости в Испании, Антон окончательно понял, что готов на все, чтобы влиться в семью Осиповых. Да, конечно, Анна некрасива. Плюс к этому она капризная, вздорная, взбалмошная и непредсказуемая девица. Но когда на одну чашу весов ложатся все ее недостатки, а на другую – достоинства ее папы, прежде всего материальные, то чаша с надписью «Осипов» резко перевешивает...

И потому Антон из кожи вон лез, чтобы завоевать Анну. В ход шли все проверенные веками мужские средства – признания и клятвы, букеты и подарки, серенады и страстные признания. Вскоре он добился своего – то ли потому, что и впрямь убедительно разыгрывал влюбленного, то ли потому, что Анне ну очень уж хотелось ему верить. Так или иначе вскоре она ответила на столь старательно изображаемое им чувство – и с этого момента для Антона начались золотые дни. Сначала Аня потребовала, чтобы отец нашел ее избраннику *приличную* работу – и Антона сделали коммерческим директором совместного русско-турецкого строительного предприятия. Потом ей захотелось за него замуж – и состоялась шикарная свадьба с лимузинами, банкетом на двести человек, подвенечным нарядом от Кардена и свадебным путешествием на тропические острова. Став женой Антона, Аня решила, что ее муж не должен «работать на дядю», – ему нужно организовать собственное дело. Она принялась активно обрабатывать отца и вскоре вынудила Осипова помочь зятю начать свой бизнес. Когда Михалыч сообщил о своем решении на семейном совете, Антон слегка растерялся. Конечно, он был совсем не прочь обзавестись собственной компанией, но в его голове роились и другие планы. Светлыми летними или долгими зимними вечерами они с тестем нередко сидели на веранде или у камина в загородном доме Осиповых, пили коньяк и вспоминали былые времена, когда один возглавлял райком партии, а другой чуть было не возглавил райком комсомола, и эти разговоры все чаще заставляли Антона задуматься о политической карьере. Конечно, времена изменились, и обстановка в стране сейчас другая... Вроде бы другая. Но, как ни крути, власть есть власть, и стать ее частью было бы очень неплохо.

Антон поделился своими рассуждениями с тестем, и тот горячо его поддержал. Сам он отошел от политики, но нужные связи не растерял и помочь зятю был вполне в состоянии. Именно Михалыч убедил Антона, что вовсе не обязательно выбирать что-то одно из двух возможных вариантов устройства собственной судьбы: политика совсем не отменяет бизнеса и наоборот. Так что стартовал в этих двух направлениях Антон Котов почти одновременно – и оба старта состоялись, разумеется, благодаря тестю.

Конечно, не все шло ровно и гладко, случались и взлеты, и падения, как в бизнесе, так и в политике. Но все-таки результаты превзошли самые смелые ожидания Антона. За пятнадцать лет он прошел путь от района до Госдумы и вывел свою строительную компанию на недостижимый уровень, получая заказы от Московского правительства и ворочая миллиардами. Два дела его жизни, как, не без пафоса, он сам это называл, особо не мешали друг другу. Разве что вызывало досаду то, что самая крупная компания – строительная – и остальные, более мелкие, фирмы (производственные, транспортные) были оформлены на имя жены. Но до поры до времени Антон считал, что это просто пустая формальность.

Первое время семейная жизнь с Аней здорово напрягала Антона. Молодая жена слишком много требовала от него и тут же выходила из себя, стоило ему недодать ей хоть малую часть того, что она хотела. При всей ее вздорности, полнейшей дурой Анна не была, свои внеш-

ние данные оценивала объективно (хотя и не признавалась в этом) и, видимо, потому в первые годы супружества отчаянно ревновала своего мужа, как говорится, к каждому столбу. Тот пресловутый пункт о неверности был исключительно ее идеей (Антон даже подозревал, что именно ради этого она и настояла на заключении брачного контракта). Тогда он воспринял ее предложение с юмором. Во-первых, никакой особенной собственности, кроме подаренных тещей на свадьбу автомобилей, у молодой четы не имелось, а во-вторых, на тот момент жизни он искренне не собирался изменять жене – слишком уж значимо было для него воссоединение с семьей Осиповых, чтобы рисковать всем из-за такой ерунды. Мысли, а потом уже и намерения «сходить налево» появились позже, года через три после свадьбы. И пару лет Антон еще подавлял их в себе, реально опасаясь ревности жены, гнева тестя и тех необратимых последствий, к которым мог привести один-единственный неосторожный адюльтер.

Но шло время, все менялось, и Анна тоже не была исключением из этого правила. Постепенно она наигралась в счастливую семью, ей надоело в сотый раз придумывать новый интерьер спальни и праздновать годовщины каждого пустячного эпизода их знакомства. Избавленный от романтических ужинов при свечах и совместных принятий ароматной ванны с лепестками роз, Антон вздохнул с облегчением. А Анна захандрила. Ей вдруг стало скучно сидеть дома, захотелось чем-нибудь заняться, но все предложения, поступавшие от родителей и мужа, ее не устраивали. Хуже того, добившись вспышки внимания к собственной персоне, Анна надумала впасть в депрессию и уж было начала лечиться от нервного истощения – как тут вдруг до нее дошло, чего, собственно, она хочет. А захотела Анечка иметь свой телеканал, ни больше ни меньше. Михалыч сильно призадумался – но здоровье обожаемой дочурки было для него превыше всего. Дела его шли очень даже неплохо, необходимые связи тоже никуда не девались, да и Антон со своим строительным бизнесом на тот момент уже крепко стоял на ногах. Совместными усилиями они исполнили мечту Анны – и в самом начале третьего тысячелетия на телевидении появился новый канал Glamour ТВ, где шли передачи о моде, стильном отдыхе, жизни звезд и прочем в том же духе.

Ко всеобщей радости, Анна не на шутку увлеклась своим новым делом и напрочь забыла обо всех своих недугах. Родители были счастливы, Антон же просто ликовал – Анна наконец-то оставила его в покое! Раньше она без него выезжала разве что по магазинам и постоянно требовала его внимания вечерами и в выходные, а теперь все изменилось с точностью до наоборот: Аня сама почти не бывала дома. Такое положение дел вполне устраивало обоих супругов. Будучи публичной фигурой, Антон также не чужд был светской жизни, и потому на официальных мероприятиях и некоторых тусовках они появлялись вместе и охотно позировали перед камерами, демонстрируя всем и каждому, насколько они дружная, любящая и счастливая пара. В действительности же все быстро стало иначе. Ни дружбой, ни верностью в роскошном рублевском особняке Котовых и не пахло. Каждый из супругов зажил своей жизнью, вплоть до самых интимных ее сторон. У Антона, который с годами все меньше зависел от тестя и постепенно перестал его бояться, *завелись развлечения на стороне*. Любовницы менялись одна за другой – ведь, по мнению Антона Котова, именно так и следовало вести себя настоящему мужчине. Впрочем, упрекнуть себя ему, как он считал, было не в чем – Анна (он был уверен в этом на сто процентов) *начала первой*. Сразу же, едва заработал телеканал, Аня закрутила интрижку с попсовым исполнителем-однодневкой, затем с продюсером довольно известной группы... И пошло-поехало. Антон, глядя на это, только усмехался. Его вполне устраивало подобное стечение обстоятельств – занятая своими делами жена не мешала ему заниматься его собственными. А Аня и впрямь закружилась в вихре удовольствий. И чем старше она делалась, тем моложе становились ее избранники. Будучи сама на пороге сорокалетия, она выбирала себе в спутники по прожиганию жизни мальчиков не старше двадцати двух – двадцати трех лет.

3

Существует на белом свете довольно распространенная категория людей, которые абсолютно не способны сделать выбор. У одних вызывает затруднения даже пустячная дилемма, вроде того, что съесть на обед – курицу или рыбу, другие долгие годы не могут определиться с профессией, третьи, подобно герою фильма «Осенний марафон», – с кандидатурой спутницы или спутника жизни. У Арсения Камышко тоже имелась аналогичная проблема. Но перед ним стояла задача куда серьезнее – он никак не мог разобраться в собственной сексуальной ориентации.

Сколько он себя помнил, ему всегда нравились и мужчины, и женщины. Точнее, не совсем так: Арсению всегда нравилось нравиться и мужчинам, и женщинам. При рождении природа сделала ему щедрый подарок, наделив красивой внешностью, и, зная за собой эту особенность, Арс нещадно ее эксплуатировал. Еще в детстве, попавшись на какой-нибудь проказе, он корчил столь трогательную мину и так виновато смотрел огромными синими глазами с длиннющими темными ресницами на взрослых, что у тех просто не хватало духу сердиться на такого ангелочка. С малых лет знакомые уже прочили хорошенькому мальчику карьеру в кино или модельном бизнесе, что было вполне реально, поскольку родители Арсения работали в крупном издательском доме, специализировавшемся на журналах о моде. Уже годов с трех маленький Арсюша охотно позировал фотографам и очень радовался, когда его фотографии появлялись на глянцевого страницах. Мама с папой и бабушки с дедушками, души не чаявшие в единственном сыночке и внучке, были на седьмом небе от счастья и баловали его как могли.

В старших классах Арсений открыто смеялся над своими сверстниками, для которых было настоящей проблемой пригласить девушку в кафе или в клуб – одни боялись отказа, у других не было денег, третьих беспокоило и то, и другое. Арсу же подобные тревоги были вообще незнакомы. Прекрасные дамы сами только что в очередь к нему не выстраивались, и общение с ними не то что не стоило ему ни копейки, но даже наоборот: Арс искренне считал, что, проводя с ними время, он доставляет им удовольствие – а за удовольствие, как известно, надо платить. И когда в стайке женщин и девушек, готовых платить за удовольствие общения с ним, вдруг первый раз появился мужчина, Арсений если и задумался, то ненадолго. В конце концов, какая разница, с кем быть в постели, если оргазм он получает не от любовных ласк, а от щедрости партнера? Причем в геометрической прогрессии – чем лучше его финансируют, тем оргазм сильнее и ярче. И кому только в голову пришло считать секс физиологическим процессом? Чуть ли не психология, притом напрямую связанная с экономикой.

Вскоре как-то само собой вышло, что оргазм от общения с партнерами своего пола у Арса получался сильнее. В том смысле, что мужчины тратились на него гораздо щедрее и активнее, чем женщины. И Арс, к тому времени уже ставший студентом платного вуза, решил окончательно заделаться «голубым». Он изменил голос, манеру говорить и одеваться, выкрасил волосы, воткнул в ухо сережку Chopard из белого золота и стал называть всех женщин «подругами» и соответственно к ним относиться.

Во многом это произошло благодаря Жанке, его приятельнице. Они случайно познакомились в ресторане при довольно драматических обстоятельствах, когда очередной щедрый любовник Арса, приревновав его к кому-то, прилюдно закатил сцену, ушел, хлопнув дверью и оставив Арсения расплачиваться по немалому счету – видимо, в наказание за повод для ревности, действительно, что греха таить, имевшего место. У Арса же, который никак не ожидал такого поворота событий, не оказалось с собой ни карточки, ни наличных. Он уже прикидывал, как вести разговор с администрацией кабака и что из надетых на нем вещей можно оставить в залог, когда сидевшая за соседним столом женщина, вроде бы молодая, но некрасивая

и какая-то на вид потухшая, вдруг пришла ему на помощь и предложила заплатить за него. В благодарность Арс позволил ей увезти себя на такси к ней домой.

К его удивлению, женщина, представившаяся Жанной, жила весьма скромно, ее однокомнатная квартирка в «хрущобе» совсем не походила на те уютные гнездышки, которые Арс привык посещать такими вот вечерами. Арсений наморщил нос, но делать нечего, не уезжать же сразу – это выглядело бы просто невежливо. Как следует выпив с хозяйкой (чего другого, а выпивки в этой однушке оказалось в достатке), он вскоре узнал всю ее немудреную историю, как две капли воды похожую на множество других подобных историй. Невзрачная и непривлекательная девушка (как выяснилось, Жанне было всего двадцать пять, ему показалось, что минимум лет на пять больше) из провинции поддалась на уговоры красавицы подруги и вместе с ней отправилась покорять Москву. Подруга, которой необычайно подфартило, сумела очень даже неплохо устроиться в жизни – теперь она ни много ни мало помощница депутата, а бедная невезучая Жанна так и мыкается на съемной квартирке, вкалывает менеджером по продажам в своей убогой фирмочке, и в личной жизни у нее полный вакуум... Обильно накачиваясь коньяком, Арс, хорошенький, как картинка из глянца, стильно одетый, пахнущий Jo Malone Lime Basil & Mandarin, с идеальной прической и ухоженными руками с едва заметным маникюром, внимал ее жалобам и утешал, как задушевная подружка, перепевая на новый лад старые как мир песенки, мол, не расстраивайся, может, еще все наладится... К концу ночи они так накачались, что незадолго до рассвета заснули кто где сидел – он в старом кресле, она на потертом диване. Уезжая утром, Арс и в мыслях не держал встречаться с Жанкой еще раз. Но дней через десять после той истории он снова поссорился с любовником, и на душе стало так тоскливо, что захотелось с кем-то поговорить. Он позвонил по ее номеру, который ввел тогда спьяну в свой мобильник, а потом забыл удалить, она пригласила его приехать – и он приехал. С тех пор и началась эта странная, без всякого намека на секс, дружба между женщиной и мужчиной... Ну пусть не совсем мужчиной. Жанна тянулась к нему, потому что страдала от одиночества, а в лице Арса она нашла подходящую жилетку, в которую регулярно выплакивалась. Арсению же нравилось, что с ней он мог обсуждать проблемы эпиляции, последние новинки в области пластической хирургии, секреты соблазна представителей сильного пола и прочие темы, говорить на которые с остальными женщинами он как-то не решался. Перед другими девчонками он, может быть по инерции, еще старался выглядеть мужчиной, а Жанка была своей в доску и стружку, и с ней не нужно было ничего из себя изображать.

– Понимаешь, подруга, жить надо так, чтоб каждую минуту получать от этого оргазм, – втолковывал он. – Слышишь? «Тик-так» – поговаривают часики... Делаешь вздох – значит, наполняешься оргазмом жизни.

– Дура ты, Арсюшка! У меня от мыслей о времени возникает не оргазм, а желание повеситься, – вздыхала Жанна. – Как подумаю, что еще немного – и все, выйду в тираж...

– Сама ты дура! Ты взгляни на Люсю Гурченко! Как пляшет в свои-то годы!.. А тебе все-таки чуть-чуть поменьше лет, чем ей. Знаешь, у меня идея. Давай тебя отправим к Славе Зайцеву на «Модный приговор»? Превратишься из Золушки в принцессу на старости лет.

– На старости лет? Спасибо тебе на добром слове! Да я всего на четыре года старше тебя!

– И что? Я вот, например, уже думаю о старости, – дразнил ее Арсений. – Сегодня утром подхожу утром к зеркалу да как разревусь! Знаешь, из-за чего? Ты глянь, у меня уже морщины на лице. Вот тут, в уголках глаз, видишь? А это ведь первый звоночек... Ты не поверишь – по вечерам я только и делаю, что сижу на форумах красоты и жду, не появится ли новость, что ученые наконец-таки занялись серьезным делом и изобрели эликсир молодости...

– Да ну тебя... – Жанна, не выдержав, прыскала, глядя на его смазливое юное лицо. – И вообще... Черт знает что творится. Мужиков вообще не осталось, одни импотенты да геи! И откуда вас столько взялось?

– Ну, если я тебе отвечу, что из страусинового яйца, ты ведь мне не поверишь, да? – отвечал Арс. – А знаешь, что я тебе скажу? Это еще и большая польза для человечества, что мы существуем. Если бы Микеланджело был натуралом, то Сикстинская капелла была бы оклеена обоями... С золотинками и в цветочек, вроде этих твоих.

– Все шутишь... А ты лучше скажи, почему мне так не везет в личной жизни? – ныла Жанна.

– Да потому, что ты подать себя не умеешь, – отвечал Арс. – Вечно одеваешься, как доярка из Хацапетовки!

– Это я-то как доярка? – обижалась Жанка. – Да у меня все шмотки от Шанель и Габбаны! И сумки от них же!

– И где же ты, интересно, их приобрела? У цыганок в подземном переходе? – ехидничал Арсений. – Ладно, не дуйся. Я вот тут на днях тоже попал. Купил матери в подарок вазу, думал, богемское стекло, а оказалось «мейд ин Чайна». Хочешь, не хочешь – мы все живем внутри Китайской стены.

На тот момент жизни Арсений и впрямь искренне считал себя геем. Тем более что у него появились для этого все основания. Период, как он выражался, «хаотичного поиска», во время которого он постоянно менял спонсоров и спонсорш, у него вдруг резко закончился, когда Арсений познакомился на вручении премии «Top Beauty» с диджеем Bi'Si. Этот самый диджей Bi'Si (по паспорту – Валентин Харитонов), тусовщик, «широко известный в узких кругах», был чистокровным геем и запросто мог бы стать лидером гей-парада. Все его существование протекало под ритмичный музыкальный фон, пульсирующий и создающий особый стиль жизни. Своим девизом он выбрал слова «Музыка управляет временем и меняет сознание». Bi'Si был уверен, что его треки, которые он создавал, обязательно переплюнут индийские и африканские барабаны, звучание которых вводит людей в транс, дело только за малым – донести их до публики.

Bi'Si обладал поистине бульдожьей хваткой, и Арс сам не заметил, как оказался накрепко привязан к своему любовнику. С одной стороны, это его устраивало – диджей сильно привязался к нему и не скупился, оплачивая не только потребности, но и прихоти Арсения. Однако, с другой стороны, характер нового партнера явно оставлял желать лучшего. Bi'Si был вспыльчив и необычайно ревнив, мгновенно вспыхивал из-за любого пустяка, а потом очень долго отходил. А рука у него была ох тяжелая... Понятно, что Арсению не слишком-то нравилось такое обращение, и он подумывал о разрыве, но ссориться с Bi'Si было страшно и, главное, совершенно невыгодно. «Пока поживу с ним, а там будет видно, – решил для себя Арс. – Когда на горизонте замаячат какие-то более выгодные перспективы, тогда и буду думать. А сейчас расслаблюсь и буду плыть по течению». Придя к такому выводу, он кое-как примирился с характером своего любовника, по возможности хранил ему верность и теперь с особым удовольствием и знанием дела обсуждал с Жанкой нестареющую тему «какие все мужики сволочи!».

Однако выгодные перспективы, которые казались Арсению далекими и туманными, замаячили на горизонте намного раньше, чем он мог предполагать. На тот момент закончилась его учеба в вузе, не доставлявшая Арсу вообще никаких хлопот. Да и о чем переживать, когда родители оплачивают не только сам факт твоего обучения, но и пятерки на всех экзаменах? Арсений даже и на пары-то почти не ходил, так, появлялся изредка, когда уж совсем было нечего делать, чтобы, как он шутил, «преподы мое лицо не забыли». Но так или иначе вуз был окончен, диплом по специальности «тележурналистика» получен, и дома возник вопрос, что Арсению делать дальше.

Надо сказать, он был даже несколько удивлен тем, что родители завели этот разговор, устроив что-то вроде семейного совета. До этого Арсу казалось, что предки давно отпустили его в свободное плавание. Во всяком случае, вопросов, откуда у него берутся брендовые

шмотки, часы Hublot и мобильник Gresso, ему не задавали. А когда сын впервые приехал домой на золотистой Audi-кабриолете, вполне удовлетворились его объяснением, что он заработал на машину, снимаясь в рекламе нижнего белья и туалетной воды. И тут вдруг – на тебе, завели шарманку. Впрочем, все разрешилось наилучшим для него образом. Сначала Арсений заявил, что очень устал от учебы, и укатил отдыхать с Bi'Si в ЮАР – наслаждаться сафари и видами водопада Виктория, а когда вернулся, вопрос о его трудоустройстве уже был решен. Маман переговорила с кем-то из своих знакомых и выхлопотала сыночку непыльное местечко в редакции телеканала Glamour TV.

Первое время мысль о работе Арсения просто ужасала – ведь до этого момента он никогда в жизни ничего не делал. На собеседование он шел, как приговоренный на эшафот – тем более что встретиться ему предстояло не абы с кем, а сразу с владелицей канала Анной Александровной. При встрече, однако, выяснилось, что боялся он абсолютно зря. Анна оказалась совсем не страшной... то есть... как бы это сказать? Внешне-то она действительно была страшненькой, да и, с точки зрения Арсения, не молодой, хорошо за тридцать, но держалась весьма доброжелательно и, ведя с ним беседу, так и поедала его глазами. Арсений, в свою очередь, не остался в долгу. Едва он почувствовал заинтересованность в ее взгляде, как тут же почти автоматически принялся очаровывать свою собеседницу – эта привычка уже вошла в его плоть и кровь, стала естественной реакцией, подобно реакции собачек академика Павлова на специальный звонок. Так что работодательница и кандидат в сотрудники расстались в тот день весьма довольные друг другом. Не прошло и нескольких дней, как стало известно, что Арсений принят в штат телеканала.

Работать оказалось совсем не так страшно, как это представлялось Арсу. Возможно, потому, что делами его особенно не загружали. Вскоре он начал немного разбираться в системе функционирования канала и понял, что коллектив здесь делится на две неравные части. Бо#льшая, которую Арсений впоследствии стал в глаза называть «пчелками» и «рабочими лошадками», а за глаза именовать «шестерками» и другими весьма нелестными эпитетами, действительно трудилась не покладая рук. Эти люди дни и ночи проводили в студиях, сочиняя сценарии для передач, ведя съемки, отсматривая, монтируя и отбраковывая отснятый материал, бегали по этажам, часами не вставали от компьютера и никогда не выпускали телефонов из рук. Остальные же – их было немного – появлялись на работе нечасто, но совсем не потому, что вели где-то переговоры или снимали что-то в городе, а потому, что *так было заведено*. Иногда эта элита коллектива канала в чем-то и участвовала – например, в популярном ток-шоу со знаменитостями, но нередко вообще ничего не делала, просто пила сваренный секретаршами кофе и болтала. И при этом зарплаты этой части сотрудников на канале были значительно выше, чем у «рабочих лошадок», – именно такой вывод сделал Арсений из обрывков разговоров коллег, к которым он внимательно прислушивался.

Решив разобраться, как обстоят дела, Арс свел знакомство с секретарем владелицы канала Ларисой, весьма исполнительной и дотошной, но совершенно непривлекательной девицей (очевидно, Анна Александровна, как женщина до мозга костей, специально подбирала себе помощницу еще более некрасивую, чем она сама). Из разговора с Ларисой в кафе Арс почерпнул много информации и, отсеяв ненужное (например, сведения о том, что Лариса обожает роман и фильм «Дьявол носит Prada» и постоянно сравнивает себя с главной героиней, а Анну – с ее начальницей), понял, что попасть в «элиту» вполне возможно – нужно лишь стать фаворитом хозяйки. И как он сам об этом не подумал, не обратил внимания на то, что большинство привилегированных – это молодые смазливые парни! Есть, правда, и несколько девиц, но про каждую из них Лариса рассказала, чья она дочка, жена или любовница.

А дальше – больше. С Ларисой у них завязались приятельские отношения, и однажды в обеденный перерыв, когда они встретились в кафе, секретарь владелицы прозрачно намекнула Арсу, что ее начальница интересовалась им. Услышав такую новость, Арсений сильно расте-

рялся. Конечно, попасть в любовники к Анне Котовой было не только лестно, но еще и очень выгодно. Ради такого дела можно было бы даже забыть о решении перейти в геи – по крайней мере, забыть на время. Но как быть с диджеем Bi'Si? Если тот узнает, что Арсений подался на сторону, и даже того хуже – сошелся с женщиной, он просто сотрет его, Арса, в порошок... Нет, об этом страшно и подумать! А с другой стороны – владелица телеканала. Можно себе представить, какими деньгами ворочает эта женщина... Которая к тому же, если верить слухам, может быть очень щедра по отношению к тем, кто ей действительно нравится. Говорят, последнему своему любовнику она купила квартиру, и не где-нибудь, а на Ленинградском проспекте.

Принять то или иное решение Арсений никак не мог, все метался и мучился сомнениями. Теперь он и сам замечал, что Анна явно симпатизирует ему, и всячески рисовался перед ней, но предпринять какой-либо решительный шаг не отваживался. И тут, в который уж раз в жизни, в его судьбу снова вмешался случай. Коллектив Glamour ТВ праздновал день рождения канала, и Арсению поручили помогать Анне, когда она будет выступать перед сотрудниками. Планировалось награждение *самых лучших* подарками и туристическими путевками, при этом Арс должен был стоять рядом с начальницей на сцене и подавать ей пакеты, коробки и конверты. И этот, казалось бы, незначительный эпизод внезапно очень сблизил их. Незаметно для окружающих соприкасались их руки и встречались взгляды, а когда была вручена последняя путевка, Анна чуть слышно шепнула: «Позвони мне завтра утром». Арс торопливо кивнул и на всякий случай тревожно оглядел всех собравшихся в зале. Вечеринка закрытая, только для своих, Bi'Si тут быть не должно... Но кто его знает, вдруг приперся?

Конечно, он позвонил Анне утром (которое у нее начиналось после полудня) и в тот же день встретился с ней. Совместный вечер начался в ресторане «Турандот», а закончился в уютной квартире в районе Ордынки с огромной джакузи, эркером с видом на Москву-реку и гигантской, метра три в диаметре, круглой кроватью. Как выяснилось позже, Анна специально купила и оборудовала это гнездышко для своих любовных свиданий. Мысленно прикинув количество и стоимость квадратных метров, Арсений и думать забыл о своем любовнике.

Отлично понимая, что первое свидание может стать и последним (чего ему, разумеется, совсем не хотелось), Арс пустил в ход все приемы обольстителя, которыми успел овладеть за свою двадцатитрехлетнюю жизнь. В постели он очень старался, но понимал, что секс – оружие необходимое, но явно недостаточное для того, чтобы завоевать такую женщину, как Анна. Доставить удовольствие могут многие, это дело техники. А вот дать своей партнерше почувствовать себя королевой, лучшей, прекраснейшей и самой желанной женщиной в мире – это уже настоящее искусство. Арсений не рассыпался в комплиментах, не произносил пышных витиеватых фраз, старался говорить коротко, но так метко, чтобы каждое слово достигало своей цели. И, похоже, это ему удалось. Анна была с ним очень мила, но это еще не стало его окончательной победой. И тогда он решил пойти ва-банк. Взглянул на часы, поднялся, взял ее руку, галантно поцеловал и потянулся за своей одеждой.

– Ты что это? – удивленно спросила она, приподнявшись на локте. – Уходишь?

– К сожалению, мне пора, – мягко, но решительно отвечал он, продолжая одеваться.

Анна глядела на него обиженно и недоуменно, он отвечал ей обескураживающей улыбкой, а в голове тем временем проносились тревожные мысли: «Ну все!.. Кажется, я переборщил... Чего доброго, она еще обидится и возненавидит меня».

Однако ничего подобного не произошло. И даже наоборот. Анна тоже улыбнулась ему, но не оскорбленно, а как-то даже слегка заискивающе и попросила:

– Подожди, не уходи! Поцелуй меня.

Он подошел к ней, все еще лежащей на огромной постели, наклонился и поцеловал в губы. Анна обвила руками его шею и прошептала:

– Мы еще увидимся?

– Это было бы чудесно, – отвечал Арс, изо всех сил стараясь изобразить сдержанность, но внутри у него все ликовало. Сработало!

В тот день он ухитрился даже приехать к Bi'Si не очень поздно. Любовник встретил Арсения в дверях, подозрительно оглядел, потом принялся и проговорил с угрозой:

– Что-то от тебя бабскими духами за версту разит...

– Ну, еще бы, – беззаботно отвечал Арс. – Я же со съемок приехал. Помнишь, я тебе говорил, что буду фоткаться для рекламы недвижимости, изображать счастливую пару с одной тупой блондинкой? Эта дура на себя, наверное, ведро духов вылила, меня чуть не стошнило, когда обниматься с ней пришлось. А что поделаешь – искусство требует жертв. Обещали две штуки баксов. По-моему, нормальные деньги за одну сессию... Ладно, пропусти меня, пойду в душ.

Так что в тот вечер все обошлось, но дальше стало значительно сложнее. Не с Анной – она-то как раз оказалась проста, как хозяйственное мыло. Арсений быстро выбрал правильную тактику поведения с ней, от которой даже не нужно было отступать и что-то выдумывать, так хорошо она работала. Он понял, что Анне не нужно излишнее внимание и угодливость перед ней, наоборот, это только охлаждает ее чувства. А вот если держаться с ней чуть отстраненно и даже пренебрежительно, заставляя ее саму заискивать, – то это именно то, что нужно. Арс не звонил Анне, тем самым вынуждая ее саму искать встреч с ним, а получив приглашение на очередное свидание, не давал сразу согласия, а отвечал уклончиво. Он бывал холоден, однако, стоило Анне сделать ему хороший подарок, тут же менял гнев на милость. Скорее всего, с другой женщиной такой номер и не прошел бы, но Анне, казалось, только этого и было нужно. Она была без ума от Арсения и всячески старалась ему это доказать. Сначала она объявила, что вычеркнула из жизни всех прочих своих фаворитов, потому что, *кроме него, ей никто не нужен*. А когда Арс прореагировал на это заявление весьма сдержанно, быстро сменила тактику и пустила в ход тяжелую артиллерию.

Для начала Арсения повысили по службе – он официально стал первым помощником владелицы телекомпании. Обязанностей при этом у него не прибавилось, даже наоборот – делами канала по-прежнему занимались «рабочие лошадки», а первый помощник в основном сопровождал свою начальницу на всевозможные светские мероприятия. А так как выходы в люди требовали должного имиджа, то стараниями Анны у Арса стали появляться и периодически обновлялись стильные туалеты, обувь, аксессуары – все, разумеется, известных брендов, из последних коллекций.

Отказать Анне в щедрости было никак нельзя. Но, увы, даже это не делало Арсения счастливым. Всею виной был Bi'Si, который, конечно, не мог не замечать перемен в облике и образе жизни своего любовника. Отмазки насчет повышения по службе, связанного, с одной стороны, с ростом зарплаты, а с другой – с увеличением обязанностей, прокатывали лишь первое время, да и то с трудом. Bi'Si становился все более подозрительным день ото дня, он начал следить за Арсом и вскоре застукал его на одной из тусовок, куда неожиданно нагрянул, целующимся в уголке с Анной. Гей был в ярости, он даже поколотил своего любовника, а потом просил прощения, ползал перед ним на коленях и клялся, что если Арсений уйдет от него к этой сучке, то он, диджей, убьет сначала его, а потом себя.

– Да ты подумай головой! – орал Bi'Si. – Где ты – и где она, владелица телеканала, жена депутата и олигарха? Кто ты для нее? Так, игрушка, развлечение на недельку. Потом она тебя бросит и забудет, как тебя звали! Как ты можешь променять меня на нее? Кто еще будет так, как я, любить тебя и заботиться о тебе? Она, что ли?

Надувшийся от обиды Арс презрительно молчал, потирал то одно, то другое место, пострадавшее от кулака ревнивого любовника, но про себя думал, что Bi'Si-то, пожалуй, и прав... Рвать с ним было рискованно – и впрямь, не ровен час, Анна потеряет интерес, и останешься у разбитого корыта... Но рвать с Анной тем более было нельзя, а продолжать отноше-

ния тайком от Bi'Si – опасно для жизни. Так и приходилось жить – хитрить, изворачиваться, что называется, танцевать на лезвии ножа.

Как-то раз, когда Анна после любовных утех заглянула ему в глаза и спросила, почему он такой грустный, Арсений рассказал ей о своих проблемах. То, что у ее любовника отношения с женщиной, не было для Анны новостью и вообще ее не смущало. А вот то, что из-за ревности Bi'Si она может реже встречаться с Арсением или и вовсе потерять его, расстроило женщину не на шутку. Она озадачилась, предложила Арсу несколько вариантов решения проблемы и, когда он отверг их все, сказала:

– Ты вроде говорил, что твой друг пишет музыку? А где он этим занимается? У него есть своя студия?

– Ну что ты! – воскликнул Арс. – Откуда? Bi'Si, конечно, не нищесброд какой-нибудь, баблосы у него водятся, но на свою студию ему явно не хватит, помещение для записей он снимает и все время жалуется, как это дорого.

Рука Анны нежно погладила Арсения по щеке, спустилась на подбородок, потом на грудь и заскользила все ниже и ниже.

– Как думаешь, а если я подарю ему студию, он научится проще смотреть на вещи?

– В этом ты можешь не сомневаться! – заверил Арс, поворачиваясь так, чтобы ей удобнее было гладить его тело. – Я Bi'Si хорошо знаю, он такой...

4

Диджей Bi'Si, наверное, сам уже забывший, что его зовут Валентином Харитоновым, действительно был *такой*. Кто-то из журналистов остроумно назвал его «вечно восходящей звездой», и это было действительно так – сорокатрехлетний Bi'Si все еще считался молодым исполнителем и вел себя соответственно. В тусовках про него ходили легенды: то он устроил скандал на презентации нового альбома второсортной поп-звезды, то в ресторане ударил соседа, неуважительно отозвавшегося о геях, то подрался с журналистом во время пресс-конференции, приуроченной к конкурсу «Новые имена». Видите ли, тот имел наглость задать диджею нелепый вопрос, почему сочиненные им треки так напоминают некоторые известные хиты.

Словом, врагов у Bi'Si имелось предостаточно, а друзей – прямо наоборот. Диджей уверял всех и каждого, что горой стоит за справедливость, позиционировал себя как человека крайне самолюбивого, упорного и принципиального, но Арс отлично понимал – все это будет продолжаться лишь до той поры, пока рядом не запахнет деньгами. Когда на одну чашу весов лягут принципы, а на другую – собственная выгода, Bi'Si даже колебаться не будет, делая выбор.

Собственно, так и получилось. Вернувшись от любовницы, Арс сразу, с места в карьер, начал разговор с любовником. Едва услышав имя Анны, Bi'Si закипел и уже готов был выйти из себя, но Арсений, предусмотрительно держась от него на безопасном расстоянии, тут же упомянул о студии звукозаписи – и гнев диджея как рукой сняло. То есть, конечно, он побурчал для виду, что все это лапша на уши, пустые обещания, которые богатая дамочка и не собирается выполнять, а лишь разбрасывается ими, стремясь привязать к себе смазливой мальчика. Однако с этого момента дальнейшим встречам Арса с владелицей канала Bi'Si уже не препятствовал, а когда Анна, к удивлению обоих, все-таки исполнила свое обещание и действительно подарила диджею студию, и вовсе сменил гнев на милость. Разве что бурчал иногда, что ему не нравятся отношения Арсения с какой-то бабой, но тотчас замолкал, стоило тому упомянуть о щедром подарке от владелицы телеканала.

Bi'Si был уверен, что с того момента, как у него появились широкие возможности для записей собственных музыкальных творений, он станет необычайно известен, популярен и, соответственно, востребован. Однако ничего подобного почему-то не произошло. Записи покупали все так же неохотно, на радио не приглашали, и широкая зрительская аудитория

отчего-то не проявляла к его гениальным творениям никакого интереса. Впрочем, диджей не унывал. Во-первых, он безгранично верил в себя, точнее, если называть вещи своими именами, был совершенно безосновательно самоуверен, а во-вторых, он и не мог иначе, поскольку все равно не умел делать ничего другого и учиться не собирался. Сколько бы ни капал ему на мозги старший братец.

С Глебом они были родными братьями, но поверить в это было крайне нелегко – настолько разными были эти два человека. Возможно, тут сыграла свою роль одиннадцатилетняя разница в возрасте. Глеб появился на свет, когда его родители, оба инженеры-технологи, еще были молоды и полны разных надежд, связанных не столько с семьей, сколько с карьерой. Жили они тогда не лучше других (правда, и не хуже), мать, как и отец, много работала, а Глебушка ходил в сад, бывало, что и на пятидневку. Он был смышленным мальчиком и быстро уяснил, что от него в этой жизни требуется только одно – быть послушным, стараться и хорошо себя вести. Что Глеб и делал не только на протяжении всего детства, но и в дальнейшем. В саду он был самым дисциплинированным из малышей, в школе – типичным отличником, как сейчас это называется, ботаном, таким очкариком с толстым портфелем, которого то и дело ставят всем в пример учителя, а одноклассники недолюбливают, посмеиваются и нередко третируют. С самого детства Глеб привык быть *удобным*, тихим и незаметным, научился владеть собой и скрывать свои чувства, мысли и мечты. Один раз в жизни он заикнулся родителям, что очень хотел бы иметь котенка, но, услышав категорический отказ, тут же замолчал и окончательно замкнулся в себе.

С младшим, Валентином, все складывалось иначе. К моменту его рождения мать уже рассталась с мечтой сделать карьеру и окончательно решила, пока не настал критический возраст, еще раз познать радость материнства. Ей очень хотелось, чтобы родилась девочка Валечка, отец же мечтал о втором сыне, который вырастет настоящим мужчиной, а не таким задохликом, как старший. И хотя новорожденного и назвали Валентином (мама все-таки настояла), характером он скорее, был ближе к отцовским грезам – задиристый, драчливый, самолюбивый. Угодив таким образом обоим родителям, Валька сделался любимчиком в семье. Отец хотел видеть в нем воплощение своего идеала сына, мама даже с работы ушла, чтобы побольше заниматься поздним ребенком, как следует развивать его и водить на музыку. Старший же брат любил младшего потому, что *должен* был это делать – точно так же, как был должен получать пятерки в школе и помогать маме по дому. В свободное время Глеб возился с малышом, кормил его с ложечки, играл и гулял с ним, учил ходить и говорить – и получал в награду тумачи от младшего братца. Когда Вальке что-то не нравилось, он тут же распускал руки, но родители не запрещали ему этого: отец – потому что растил настоящего мужчину, а мать – потому что вообще ничего не запрещала своему любимчику. Глеб же, разумеется, и подумать не мог о том, чтобы дать сдачи, – разве можно обижать маленького?

Шло время, братья росли. Глеб окончил школу с золотой медалью и с первой же попытки поступил на экономический факультет МГУ, но как-то так вышло, что его успехи радовали взрослых меньше, чем единственное выступление Вали в музыкальной школе (которую он во втором классе уже бросил). В университете Глеб учился на «отлично», преподаватели постоянно отмечали его – правда, не столько за способности, сколько за упорство и трудолюбие. Особых способностей, таких вот, чтобы схватывать все на лету, у него, к сожалению, не было, Глеб был из тех, про кого говорят, что пороку он не выдумает. Зато он отлично знал это за собой и старался вдвойне, чтобы догнать и перегнать других, более одаренных студентов. Валя же учился кое-как, все больше на тройки, но никто не придавал этому особенного значения.

Вместе с дипломом, разумеется, красным, Глеб получил и предложение остаться работать в университете на кафедре. За три года он окончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию, после чего занялся преподавательской работой, как в родном МГУ, так и в другом вузе – Институте управления. Валентина, еле-еле закончившего десятый класс, с большим

трудом впихнули в непопулярный технический вуз – ему было все равно где учиться, и институт он выбрал исключительно потому, что тот располагался недалеко от их дома. После первой же сессии Валентин вылетел, завалив три экзамена и четыре зачета из пяти, но это его мало беспокоило, поскольку армия все равно не грозила – родители заранее приняли меры, чтобы отмазать Валечку от службы, и выхлопотали ему целую пачку медицинских справок. На робкие вопросы мамы и папы, чего же их любимый сыночек все-таки хочет от жизни, Валентин отвечал, что его интересует только одна вещь – музыка, причем собственного сочинения. Но так как созданию современной музыки нигде не учат (не в Консерваторию же на композиторский факультет ему поступать!), то он прекрасно проживет и без высшего образования.

Как раз в этот момент в стране начались перемены, и самый старший из Харитоновых, отец братьев, решил начать свой бизнес. Сначала это были палатки с тысячей мелочей, потом магазины с продуктами, затем торговля лекарствами. Как ни странно, дело у него пошло. На уровень самого крупного бизнеса он так и не вышел, но его фармацевтическая компания заняла свое место в двадцатке лучших московских фирм и прочно удерживала свои позиции, что позволяло семье Харитоновых безбедно существовать.

Глеба, впрочем, это не касалось. В тот момент, когда в стране началась инфляция и преподавательская зарплата окончательно обесценилась, ему вдруг чуть ли не впервые в жизни повезло. Один из бывших дипломников в Институте управления, Антон Котов, весьма целеустремленный молодой человек, обладавший огромной пробивной силой, неожиданно вспомнил о своем научном руководителе и пригласил его к себе на работу. По тем временам это было огромной удачей, тем более учитывая уровень бизнеса Котова, получившего от тестя немалый стартовый капитал. Разумеется, Глеб с удовольствием принял предложение и всей душой включился в новую работу.

Котов занимался строительством, и хотя Глеб имел неплохое представление об этом направлении (темой его диссертации как раз и была экономика в строительстве), ему пришлось в процессе обучаться практически «с нуля» – ведь все его знания были получены при социализме, а теперь требовался принципиально иной подход, больше похожий на капиталистический, но с обязательным учетом специфики нашей страны. Задача была не из простых, но Глеб с ней справлялся. Это именно ему пришла в голову идея привлекать для строительства в Москве турецких специалистов, которые работали на уровне мировых стандартов (не в пример нашим!), но чьи услуги стоили на рынке труда гораздо дешевле, чем труд рабочих из Восточной Европы, не говоря уже о Западной.

Дела строительной фирмы Котова быстро шли в гору. Благодаря связям тестя Антон получал очень выгодные заказы и выигрывал такие тендеры, о которых можно было только мечтать. Компания богатели и расширялась, Москву постепенно наполняли выстроенные их фирмой современные высотные здания из стекла и бетона, и то там, то сям на улицах – на рекламных плакатах, на щитах вокругстроек, на бортах грузовых автомобилей – можно было увидеть ее логотип в виде подъемного крана, возводящего небоскреб.

Увлеченный работой, Глеб и не заметил, как превратился в состоятельного человека. Зарплата его была более чем высока, но с детства привыкнув ограничиваться малым, Глеб почти не тратил своих денег. Туристические поездки, рестораны, дорогие вещи, азартные игры – все эти удовольствия его интересовали мало. Дорогостоящих хобби, вроде дайвинга или коллекционирования старинных автомобилей, у него тоже не имелось. Так что за все время работы в строительстве (а это было больше десяти лет) Глеб сделал всего несколько крупных покупок – обзавелся хорошей квартирой на Таганке да раз в два-три года менял автомобиль на более новую и престижную модель, как говорится, положение обязывало. Деньги, которые некогда и некуда было тратить, скапливались на его банковском счету – разумеется, за вычетом тех немалых сумм, которыми он *безвозмездно помогал* младшему брату. У Глеба и мысли не возникало, что делать этого не стоит – в его сознание прочно въелась мысль, что, будучи старшим братом,

он просто обязан финансировать неработающего бездельника. К тому времени Валентин уже окончательно стал диджеем Bi'Si, тусовочником и, к ужасу родителей, стопроцентным геем.

У Глеба с ориентацией все было в порядке, а вот личная жизнь никак не складывалась. Худошавый, сутулый, рано поседевший и полысевший очкарик никогда не пользовался успехом у женщин и совершенно не умел вести себя с ними. Правда, еще учась в аспирантуре, Глеб женился – на такой же невзрачной очкастой ботанише, каким был сам. Они прожили вместе восемь лет, но ни один из проведенных в браке дней не был счастливым. Глебу необходимы были домашний уют и душевное тепло, но увлеченная одной только наукой жена не хотела, а может быть, и не умела ему этого дать. Даже кошку в собственной семье и то не получилось завести, потому что у жены была аллергия на шерсть. Глеб мечтал о детях, страстно желал иметь дочку – однако супруга не спешила с рождением малыша, отговариваясь сначала тем, что ей надо защитить диссертацию, потом предполагаемым повышением по службе, потом... Словом, они развелись. Правда, через несколько лет, когда Глеб уже работал с Антоном Котовым, бывшая супруга, узнав о его успехах, стала активно искать встречи с ним и намекать, что готова начать все сначала, но Глеб на это уже не повелся. К тому времени на его пути возникло уже немало женщин, интересовавшихся в нем только одним – его деньгами.

Когда строительный бизнес Котова достиг своего пика, Глеб вдруг впервые в жизни почувствовал, что начал уставать от работы. В общем, ничего удивительного, ведь последний раз он был в отпуске еще в перестройку и с тех пор так и вкалывал без перерыва и даже почти без выходных. Шеф стал замечать его состояние, и это сильно насторожило Глеба – а ну как Антон понаблюдает-понаблюдает за его случайными промахами, да и решит распрощаться со сбавившим темп помощником? Что он, Глеб, тогда будет делать, как жить? Подобно другим трудоголикам, Глеб вообще не представлял себе существования без дела, его пугало не прекращение заработка, а вынужденная остановка в привычном механизме существования, весьма напоминающем колесо, в котором крутится белка.

На счастье, тогда Антон еще и не думал расставаться с таким старательным и преданным помощником. Он предложил Глебу другой вариант, весьма неожиданный и сильно того удививший, – сменить направление. Ведь, как известно, лучший отдых – это перемена деятельности. Глеб давно знал, что Антон занимается политикой, знал и то, что это происходит с каждым годом все активнее, но ему и в голову не могло прийти, что шеф предложит ему стать первым помощником не бизнесмена, а депутата.

Сначала Глеб растерялся, забормотал, что ничего не понимает в политике и вряд ли может быть чем-то полезен... Но Антон заверил его, что понимающих и грамотных людей вокруг более чем достаточно, с его деньгами он в любой момент сможет получить нужную консультацию у любого специалиста, не только отечественного, но и зарубежного. А вот людей надежных и преданных, на которых можно положиться, – таких, увы, мало. Можно сказать, раз-два и обчелся. Но Глеб относится именно к этой категории, потому Антон и делает ему такое предложение.

Честно признаться, Глеб был польщен. Чуть ли не впервые в жизни его оценили по заслугам, во всяком случае, сказали ему об этом открытым текстом. Было настолько приятно, что он тотчас дал согласие, хотя потом и испугался, что поступил несколько опрометчиво. Но, как говорится, слово не воробей, поймают – и вылетит.

С течением времени выяснилось, что опасения были напрасны. Работа помощника депутата показалась Глебу не в пример легче, чем строительный бизнес, а оплата осталась на прежнем уровне. У него вдруг появилось свободное время, и Глеб с удивлением узнал, что на свете существует немало других вещей, кроме переговоров с подрядчиками, планов, чертежей, смет, авральных выездов на стройку и прочего в этом духе, чем он занимался все это время по двадцать четыре часа в сутки. Глеб расслабился, отоспался, начал поправляться и даже съездил в отпуск – в Испанию, в Барселону и Леон, чтобы своими глазами увидеть творения великого

Антонио Гауди, о чем он всю жизнь мечтал. Именно в тот момент в его судьбе и появилась Олеся.

Будучи человеком основательным и предусмотрительным, Глеб всегда приезжал в аэропорт заранее. В тот раз он так же, как обычно, сидел в зале терминала Шереметьева, ожидая, когда объявят начало регистрации на его рейс. Случайно рядом с ним оказалось свободное место, и его заняла девушка с большой спортивной сумкой в руках. Настроенному на романтический отпускной лад Глебу девушка показалась очень красивой – длинноногая светлая шатенка, стройная, с отличными формами. От нечего делать они разговорились. Узнав, что Глеб работает в строительной сфере, Олеся очень заинтересовалась – она, оказывается, как раз собиралась получить второе высшее образование именно в области строительства. У нее сразу же возникло несколько вопросов к нему, но так как в этот момент объявили посадку на его рейс, Олеся, немного смущаясь, что ее очень красило, предложила обменяться номерами телефонов. Глеб, разумеется, был не против. В самолете, а потом и на протяжении всего отпуска он часто вспоминал Олесю, и мысли эти имели слегка печальный оттенок. Звонить ей он не собирался, будучи уверен, что вряд ли может (со своей лысиной, сутулой спиной и брюшком, нелепо смотрящимся на худосочном теле) представлять интерес для такой очаровательной юной особы – Олеся на вид было лет двадцать, ну, может быть, года двадцать два.

Но каково же было удивление Глеба, когда спустя день или два после его возвращения из Испании Олеся позвонила сама.

– Знаете, – прощепетала она в трубку, – вы, наверное, будете смеяться надо мной... Но после нашей встречи я почему-то постоянно о вас думаю. Скажите, Глеб, а мы можем увидеться снова?

Надо ли говорить, как рад был он этому звонку? Глеб посоветовался с Антоном, дружески посмеивавшимся над ним, и пригласил Олесю на ужин в модный ресторан «Пушкин». Сидя напротив нее в зале, стилизованном под старинную библиотеку, Глеб чувствовал себя на вершине блаженства. Олеся, одевшаяся на встречу в узкую юбку ниже колен и белый свитер, отлично подчеркивавший ее стройную точеную фигурку, нравилась ему необычайно. Девушка рассказывала ему свою историю, и каждый эпизод заставлял Глеба восхищаться серьезностью и целеустремленностью девушки. Уроженка провинциального города, выросшая к тому же на его окраине, она не позволила себе увлечься спиртным и наркотиками, как это произошло почти со всеми ее одноклассниками, а твердо решила, что вырвется из этой среды и добьется успеха. Окончила школу с медалью, затем взяла штурмом единственный в город вуз. Получила диплом, приехала в Москву, нашла здесь работу, но не собирается останавливаться на достигнутом, а стремится к самосовершенствованию, хочет продолжать учиться. Восхищало Глеба и то, как не похожа была Олеся на тех девиц и дамочек, которые искали его общества последнее время. Те уже с первых минут общения сводили разговор к теме финансов и принимались намекать, а то и открыто кланяться деньгами (когда якобы на лечение младших братьев или сестер, которых, разумеется, и в природе не существовало, а когда и просто так, без всякого предлога), недвусмысленно давая понять, что *умеют быть благодарными*. Олеся же не делала ничего подобного, более того – даже захотела сама заплатить за себя, когда официант в белоснежной рубашке принес им счет. Разумеется, Глеб не позволил девушке этого сделать. На своей машине он отвез Олесю домой на Пролетарку и, прощаясь, галантно поцеловал руку, от чего она прелестно смутилась. За первым свиданием последовало второе, за вторым третье, и так далее, и каждая встреча оказывалась еще лучше предыдущей. Впервые за много лет Глеб влюбился и оттого чувствовал себя просто окрыленным. Он приглашал Олесю в лучшие рестораны, водил на модные постановки в театры и на выставки, удивляясь тому, насколько совпадают их вкусы – почти всегда девушке нравилось то же, что и ему, и это касалось всего, от салатов до спектаклей.

В октябре он узнал, что у нее день рождения, узнал чисто случайно, потому что ей при нем позвонила подруга, перепутавшая дату. Поняв из их разговора, что Олеся завтра будет именинницей, Глеб серьезно призадумался. С одной стороны, ему очень хотелось сделать любимой какой-нибудь шикарный подарок, с другой – он опасался, что, если подарок окажется слишком дорогим, щепетильная девушка откажется принять его. Он долго размышлял и в конце концов остановился на ювелирном украшении – изящном платиновом колье, усыпанном бриллиантами. Колье действительно было очень красивым, Олеся просто ахнула, когда его увидела.

– Какая прелесть! Просто восхитительно! Но, Глеб, – она с ласковым укором взглянула на него, – ты с ума сошел, это же очень дорого!

Он был готов к такой реакции и выдал заранее приготовленную ложь:

– Не так уж дорого. Камни ведь не настоящие...

Но Олеся помотала головой:

– Нет, дорогой, ты меня обманываешь. Я знаю эту серию Graff, в ней не было бижутерии... Я просто в шоке, честное слово! Спасибо тебе огромное!

И, потянувшись через столик, она поцеловала его – впервые за три месяца их отношений.

Новогодние каникулы они провели вместе, на южном берегу Италии, в романтическом городе Сорренто, выходящем, точно балкон, на сказочно голубой Неаполитанский залив. Во время совместного отпуска, который стал для Глеба пребыванием на седьмом небе, Олеся случайно обмолвилась, что не хочет возвращаться в свою съемную квартирку, кажущуюся ей такое неуютной... Он тут же предложил купить ей новую квартиру, но девушка лишь хлопнула длинными ресницами:

– Нет, что ты, дорогой, не в этом дело... Бог с ней, с этой квартиркой, хотя она плоха, меня это мало заботит, мне случалось жить и в еще более жутких условиях. Меня расстраивает только то, что там нет тебя.

– Так переезжай ко мне! – тут же сказал Глеб. Здесь, среди пышной растительности, необыкновенных цветов, цветущих даже в январе, лимонных, апельсиновых и мандариновых деревьев, растущих прямо на улицах и площади, и удивительных видов на море и далекий, утопающий в туманной дымке Везувий, он не мог сказать ничего другого. А Олеся, конечно, не могла ничего возразить в такой романтической обстановке.

– Ты согласна? – спросил он, волнуясь, точно впервые влюбившийся школьник.

– О, да! – воскликнула она и повисла у него на шее. – Глеб, я тебя обожаю!

И еще никогда в жизни Глеб Харитонов не был так счастлив.

По возвращении домой как-то сам собой возник разговор о том, что им надо пожениться.

– Ты, наверное, будешь считать меня старомодной, может быть, даже ханжой, – говорила Олеся, расставляя на полочках в ванной свежкупленные тюбики, баночки и флакончики, все эти милые женские пустяки, которые и делают дом по-настоящему обжитым, – но мне как-то неловко чувствовать себя сожительницей... Наверное, сказывается провинциальное воспитание. Ты, вероятно, будешь смеяться, но я все равно признаюсь – мне как-то даже стыдно жить с мужчиной вне брака. Пусть и с любимым мужчиной...

Конечно, Глеб не смеялся и не считал ее старомодной или ханжой. Меньше всего на свете он хотел, чтобы Олеся стыдилась чего-то или испытывала какие-то другие неприятные переживания. Любимая (и при этом любящая, она сама только что сказала об этом!) девушка хочет за него замуж – разве можно отказать ей в этом желании, столь естественном для любой нормальной женщины! При первом же удобном случае Глеб купил кольцо от Cartier с крупным бриллиантом и попросил руки Олеси. А в июне состоялась свадьба, весьма скромная для людей их уровня достатка.

– Какой смысл закатывать пир на несколько сотен человек? – говорила невеста. – У нас с тобой просто нет такого числа знакомых. Да и выбрасывать кучу денег на платье, которое

будет надето один раз в жизни, я считаю глупым. Лучше потратим эту сумму на свадебное путешествие и обстановку нашей квартиры, правда?

Глеб со всем соглашался, восхищаясь ее умом и практичностью.

В результате наряд невесты был куплен совсем не дорого, за какие-то две тысячи евро, а на свадьбу пригласили всего двадцать пять человек. Для банкета новоиспеченные супруги Харитоновы арендовали теплоход «Максим Горький».

– Мне нравится, что тут все оформлено в стиле ретро, – сказала невеста. – Это напоминает мне наше с тобой первое свидание в «Пушкине», помнишь?

Счастливый Глеб только кивал. Конечно, он помнил все, до последней детали. Все, связанное с Олесей. Такие мелочи, что времена, под которые были стилизованы «Пушкинь» и «Максим Горький» различались между собой на доброе столетие, его абсолютно не волновали.

Самым почетным гостем на свадьбе был, конечно, Антон Котов. И Глеб был очень рад тому, что его молодая жена и его шеф так понравились друг другу. С тех пор Антон стал бывать у Харитоновых и не уставал говорить комплименты дому, который так преобразился с появлением в нем молодой хозяйки. И Глебу было очень лестно, что в разговорах с ним шеф часто упоминает Олесю и так хорошо отзывается о ее внешности, уме и практичности. Он был полностью согласен с шефом – Олеся превратила его жизнь в рай. Благодаря ей сбылось все, о чем он мечтал, даже кошка Муся в доме появилась. Разве что детишек пока не было, но, как говорится, не все сразу.

Так продолжалось года два. Глеб настолько хотел быть счастливым, что упорно не замечал небольших, но досадных черточек, которых открывалось в Олеся все больше и больше. Она оказалась неважной хозяйкой и занималась бытом и мужем без всякой охоты, поручая все, вплоть до пустяков вроде поливания цветов или кормления кошки домработнице. Олеся категорически не хотела детей, мотивируя это тем, что еще слишком молода, чтобы становиться матерью. Неожиданно она оказалась транжирой и принялась совершенно беззастенчиво тратить его деньги. И в интимной жизни она становилась все холоднее день ото дня. Но Глеб закрывал на все глаза, поскольку очень, ну просто очень любил Олесю.

И вдруг, словно гром среди ясного неба, новость – Антон решил отказаться от его помощи.

– Не подумай, дружище, ничего личного, – заявил он. – Просто я вижу, что ты устал. Что ни говори, а годы берут свое, тебе ведь уже перевалило за полтинник... Так что мой тебе совет – отдохни как следует, а месяца через три, через полгода снова решим вопрос с твоим трудоустройством. Уверен, специалиста такого уровня, как ты, любая строительная фирма с руками оторвет. Может быть, даже в нашу компанию вернешься. Если захочешь, конечно.

– А кто займет мое место при тебе? – спросил выбитый из колеи Глеб. Он был не столько расстроен, сколько обескуражен таким неожиданным поворотом обстоятельств.

– Да есть один человечек на примете, – Антон попытался уйти от прямого ответа.

– И кто же это? – настаивал Глеб.

– Да Олеся. Твоя супруга, – весьма нехотя признался Котов. – Поверь, эта работа прямо по ней – она молода, энергична, амбициозна... Да ты не обижайся, старик. Я же сказал – ничего личного.

Позже, вспоминая и многократно прокручивая в памяти этот разговор, Глеб недоумевал: как он сразу не понял, в чем дело? Но в тот момент он, скорее всего, все еще вел себя как типичный страус – прятал голову в песок, чтобы не замечать того, чего знать не хотел... Во всяком случае, придя домой и увидев, что Олеся волнуется, хотя и не хочет этого показать, он постарался не расстраивать ее и рассказал о разговоре с Антоном совершенно спокойно.

– Знаешь, я очень рад за тебя, – сказал тогда Глеб жене. – Действительно, ты подходишь для этой работы гораздо больше, чем я. Я уже старый, усталый, мыслю привычными стереоти-

пами, мне трудно перестраиваться и воспринимать новое. А ты молодая, энергичная, креативная... Уверен, у тебя все получится. Так что Антон принял совершенно правильное решение.

– Правда? – просияла Олеся. – Ты действительно думаешь, что у меня получится?

– Не сомневаюсь в этом, – заверил он. – Вот только это все как-то... Ну, неожиданно, что ли. У меня и в мыслях не было...

– Да у меня тоже не было! – весело перебила жена. – Поверишь ли, я чуть со стула не упала, когда Антон позвонил и вдруг предложил мне стать его помощницей. Я думала целых две недели. Ах, как же я рада, что так все хорошо получилось... Признаться, я очень боялась, что ты обидишься. Но ты ведь не обиделся на меня?

– Не обиделся, – отвечал Глеб, любуясь ее юным лицом, которое так и светилось от счастья.

– Честное слово, не сердись на меня?

– Честное слово, на тебя не сержусь.

– Ну и чудесно! Пойду позвоню Антону.

Олеся набрала номер Котова, и новый начальник тут же пригласил ее приехать на деловой ужин. Глеба он не позвал. Так что в тот вечер жена улетела из дома, а муж остался размышлять над произошедшим в компании кошки Муси. С одной стороны, он действительно был рад за Олеся. Такому человеку, как она, – молодому, энергичному, способному – в любом случае скучно сидеть дома и ничего не делать. Раз уж у них нет детей, пусть Лесенька занимается чем-то другим, и очень хорошо, что для нее нашлось подходящее занятие... Но, с другой стороны, Глебу было обидно. И то, что весь вопрос решили за его спиной, даже не посоветовавшись с ним. И то, что его сразу, в один миг, что называется, выбросили, сняли со счетов, как только он оказался не нужен. И то, что Олеся, по сути, даже не поинтересовалась ни его чувствами, ни его отношением к случившемуся. Ее беспокоило только, не сердится ли он *на нее*. А ни переживания человека, в один момент лишившегося дела, которому он отдал несколько лет своей жизни, ни вопрос, что будет с этим человеком дальше, нисколько ее не заботили.

С этого момента жизнь в семье Харитоновых резко изменилась. Опираясь на собственный опыт, Глеб думал, что работа на Антона не будет отнимать у его жены очень уж много времени, но он ошибался. Став помощницей депутата, Олеся почти перестала бывать дома. Могла уехать чуть свет, могла вернуться под утро, а могла и вовсе не приехать, потому что у нее начались командировки разной степени длительности – хотя у самого Глеба за все время этой работы практически не было командировок.

– Это я тебя берег, старик, – смеясь, говорил Антон в ответ на все недоуменные вопросы бывшего помощника. – Ты все-таки человек уже не совсем молодой, я думал, что жаль тебя гонять туда-сюда. А супружнице твоей такие разъезды только в кайф.

Сама Олеся, сколько бы муж ни допытывался, вообще ничего не рассказывала о своей работе.

– Можно подумать, ты сам не знаешь, – отмахивалась она. – Все то же самое, что и раньше... И вообще давай спать, я очень устала.

В опустевшем доме Глеб чувствовал себя необычайно одиноким. Кроме кошки Муси, ему не с кем было поговорить, никому до него не было дела. Чтобы избавиться от этой тоски, он решил возвратиться к прежней работе и вновь вернулся в строительную фирму Котова, уже, конечно, не генеральным директором компании (эта должность была занята его бывшим помощником), а только одним из заместителей. Но вот что странно – дело, которое раньше казалось не только привычным, но и любимым, больше не увлекало и не занимало. Глеб работал чисто механически, не вкладывая душу: так, как когда-то в детстве мыл посуду или зубрил спряжения глаголов – лишь потому, что это *надо*. Мысли его были далеко, и чем дальше, тем более печальными эти мысли становились. Неужели его второй брак оказался столь же неудачным, сколь первый? За какие-то полгода они с Олесей стали совершенно чужими людьми:

почти не разговаривают, нигде не бывают вместе. Об интимной жизни и говорить нечего, он уже не помнил, когда они последний раз занимались любовью. В этом, конечно, и его вина, с возрастом мужской силы здорово поубыло, и после бурного всплеска чувств, вызванного запоздалой любовью и свадьбой, наступил неизбежный период спокойствия. Но все равно ведь человеку в любом возрасте хочется ласки, нежности и тепла! Но каждый раз, когда он пытался обнять жену, Леся отодвигалась от него со словами: «Ой, Глеб, ты опять... Не сейчас!» – и такой гримасой, что он вскоре окончательно прекратил попытки наладить хоть какой-то интимный контакт в семье.

Чувствуя себя несчастным и потерянным, Глеб начал ходить сначала к психоаналитику, а потом и по врачам, которые, как водится, нашли у него целую гору болезней, как реальных (кто из нас полностью здоров?), так и мнимых, но требующих длительного и дорогостоящего лечения. Не очень-то хотелось Глебу записывать себя в старые развалины, но, с другой стороны, занятость своим здоровьем хоть как-то отвлекала...

Гроза разразилась в одно из воскресений, когда Леся неожиданно оказалась дома. Накануне она вернулась очень поздно, поэтому вышла из своей спальни уже в первом часу. Сидя в джинсах и футболке за кухонным столом, Леся ела мюсли, разбавленные обезжиренным молоком, и смотрела телевизор. Глеб, который уже давно позавтракал, все-таки тоже пришел на кухню, чтобы составить жене компанию. Он обратился к ней минимум раза три и только на четвертый получил раздраженный ответ:

– Ну подожди! Не видишь, что ли, мне сейчас не до тебя, я смотрю новости.

Со вздохом муж обратил свой взор на Мусю, теревшуюся об его ноги, и в очередной раз завел разговор с ней. Олеся бросила пару недовольных взглядов в их сторону, а потом вдруг резко поднялась, с грохотом выдвинула стул и отчеканила:

– Я хочу подать документы на развод!

Кошка от содрогания Глеба отпрянула от него и забилась в угол, предчувствуя, что сейчас будет скандал.

Глеб, близоруко шурясь, удивленно глядел на жену.

– Лесенька, почему?! Что тебя не устраивает? Я же дал тебе все! У тебя есть квартира, деньги, престижная работа. Я помог тебе получить московскую прописку, ввел тебя в свой круг, познакомил с влиятельными людьми... И что, теперь ты хочешь бросить меня?

Она пожала плечами:

– Конечно, я благодарна тебе за все, что ты для меня сделал. Но...

– Ты уходишь к Антону? – догадался муж. – Это он виноват в нашем разводе?

– Нет, конечно! – с самым что ни на есть честным и искренним видом отвечала Олеся. – При чем тут Антон? С Антоном у нас исключительно деловые отношения. К тому же он женат.

– А кто же тогда?

– Глеб, ну что ты заладил: кто, кто... – пожала плечами Олеся. – Почему ты так уверен, что проблема обязательно в мужчине? Мы не подходим с тобой друг другу – вот и вся причина. Извини, у меня не так много времени и нервов на обсуждение дела, которое требует только твоей подписи. Сообщи мне, когда мы сможем подать документы на развод. И не обижайся. Ты хороший, просто ты не мой человек.

И, не дав супругу что-либо ответить, Олеся вышла из кухни в прихожую, обулась, накинула куртку и покинула квартиру. А растерянный Глеб все еще ошалело смотрел ей вслед. Он не поверил жене – конечно, дело не в несходстве характеров. Просто Олеся разлюбила его и полюбила Антона...

5

На самом деле насчет своей жены Глеб заблуждался, причем заблуждался вдвойне. Олеся никогда не любила его – но не любила она и Антона Котова. Единственный человек, которому удалось занять место в ее сердце, звался Иваном Комаровым и был, как и она, уроженцем города Пригорска, перебравшимся на постоянное жительство в Москву.

Лет до двадцати Иван считал, что в жизни ему очень повезло. Его мама, Антонина Ивановна, была одной из самых влиятельных фигур в Пригорске – директором центральной городской продуктовой базы. В восьмидесятые годы, времена тотального дефицита, мяса в магазинах города практически не бывало, а что такое, скажем, сосиски, некоторые пригоржцы из тех, кто помоложе, знали только по кино. Но для Вани Комарова колбаса – и вареная, и копченая – была самой обычной привычной едой. Точно так же, как плавленый сыр «Виола», деликатесная рыба, черная и красная икра, апельсины и мандарины, шоколадные конфеты и многое, многое другое. Жили Комаровы в центре города, в новом благоустроенном кирпичном доме, втроем в трехкомнатной квартире с двумя лоджиями. У них имелись все признаки достатка того времени, включая дачу, машину, финский холодильник «Розенлеф», цветной телевизор, стиральную машину и «стенку» с «макулатурными» и подписными изданиями на полках – книгами, многие из которых так ни разу никто и не открыл.

Иван появился на свет вскоре после свадьбы родителей – через пять с половиной месяцев, как он однажды, лет в шестнадцать, подсчитал. Антонина Ивановна на тот момент была уже не очень юной невестой, в год рождения сына ей исполнилось тридцать четыре. Рослая крупная женщина с короткими жесткими волосами, которые она постоянно красила хной в темно-рыжий цвет, и с громким командным голосом, она совсем не отличалась красотой. Зато отец Ивана, Сергей Михайлович, бывший на девять лет моложе супруги, заслуженно считался красавцем. Он и правда был на вид настоящим русским богатырем – кудрявые волосы цвета спелой ржи, васильковые глаза, рост метр девяносто и косая сажень в плечах. Однако, как понял со временем Иван, богатырская стать отца была чисто внешней. На самом деле Андрей Михайлович был под каблуком у жены, под началом которой и работал и которую всю жизнь отчаянно боялся. Единственное, в чем он решался послушаться супругу, была его любовь к спиртному, медленно, но верно прогрессирующая в течение всей жизни. Во всем остальном он, хотя и частенько роптал, неукоснительно следовал указаниям *командириши*, как обычно именовал свою супругу.

Мать сына любила и баловала, но выражалось это в основном в лакомствах и многочисленных игрушках – проводить с Ваней много времени она не имела возможности. Отец же мечтал *вырастить парня настоящим мужчиной*, и, похоже, это ему удалось. Ваньку Комара никто никогда не задирал, потому что знали – этот умеет постоять за себя. Еще в первом классе Ваню отдали в секцию самбо, где он научился справляться с трудностями, преодолевать боль, быть сильным, смелым и целеустремленным. Правда, профессионального спортсмена из Ивана не вышло, выше кандидата в мастера спорта он не поднялся – помешала травма при неудачном падении. Поврежденный мениск восстанавливался слишком долго, и к тому времени, когда Ваня смог наконец полноценно вернуться к занятиям спортом, было уже поздно. На тот момент он уже заканчивал школу, не за горами была и армия.

На восемнадцатилетие родители (точнее, конечно, мать) подарили сыну «Жигули»-«девятку» ярко-красного цвета. Иван был в восторге. Его авторитет в кругу многочисленных друзей, среди которых Ванька всегда был заводилой, а также в кругу девочек вырос до заоблачных далей. Однако вдоволь насладиться родительским подарком Иван не успел. Едва он получил права, как пришла повестка, призывающая явиться такого-то числа в военкомат.

Сильного, высокого, плечистого и уже полностью здорового парня записали в десантные войска. В армии спортивный опыт очень пригодился, добавилось к нему и много нового. В беге, прыжках с парашютом, рукопашном бое, стрельбе и так далее Иван Комаров был всегда в числе первых. В отличие от многих своих сверстников Иван не слишком страдал от тягот армейской жизни. Физические нагрузки были ему привычны, размеренное по времени и строго регламентированное уставом существование тоже вполне устраивало – не надо ни о чем беспокоиться самому. Что же касается *внеуставных отношений*, то и к ним рядовой Комаров сумел приспособиться. Как уже говорилось, Иван умел постоять за себя, поэтому в первые годы службы его обижали не слишком, а позже, став «дедом», он уже и сам вел себя соответственно, как следует гоняя «духов», чтобы *знали свое место*. К моменту окончания службы Иван всерьез задумался о контракте – служба в горячих точках, дело, конечно, рискованное, но весьма выгодное, на гражданке ему таких денег ни в жисть не заработать, разве что если в братки податься... Словом, он почти уже принял решение остаться в армии и после дембеля, но помешало все то же травмированное колено. Во время очередного (после сотни Иван уже сбился со счета) прыжка с парашютом он неудачно приземлился, не заметив в темноте камень, и снова повредил ногу. Так что с мыслью о продолжении службы пришлось расстаться.

Впрочем, Иван не унывал. Демобилизовался и вернулся домой к заждавшейся его любимой «девятке». Привел в порядок «свою красавицу», тюнинговав ее по самое некуда, и решил смотаться на ней в гости к армейскому другу Сергею, жившему в подмосковном городе с весенним названием Апрелевка. А что? Поди плохая идея – и на мир посмотреть, и себя показать.

Ваня был уверен, что въедет в Москву королем – в новых шмотках, с машилой в руках, да на блестящей «двяточке», под грохот «пацанского» шансона, льющегося из динамиков автомобильной магнитолы – мамино подарка на дембель. Держитесь, девки, а самые красивые выстраивайтесь в очередь – едет Ванька Комар! Но тем сильнее оказалось его разочарование. Любовно надраенная «двяточка» выглядела бедной родственницей и замухрышкой среди новеньких иномарок, заполонивших столичные улицы, а московские девчонки, даже далеко не самые красивые, заслышав льющийся из окон «Жигулей» шансон, морщили носики и презрительно фыркали: «Деревня!» Иван прогостил у друга намного меньше, чем рассчитывал, а вернувшись в Пригорск, не на шутку задумался. Правда резала глаза. То, что казалось ему раньше самым что ни на есть верхом крутизны, на деле обернулось всего лишь мыльным пузырем.

Нужно было что-то кардинально менять в жизни, добывать деньги и лучше всего – много и сразу. Но как это сделать? Ограбить банк? Инкассаторскую машину? Нет, лучше, пожалуй, начать с обменного пункта. Посвятив в курс дела закадычного, еще школьного приятеля Сазона, Иван вместе с ним на полном серьезе начал разрабатывать план ограбления. Но на беду (на самом-то деле, конечно, на счастье, но это Иван понял только потом), их обсуждение услышала мама.

Повела она себя на удивление неожиданно. Не раскричалась, не разохалась, не закатила истерику и не стала читать нотации, как поступило бы большинство матерей на ее месте. Лишь усмехнулась и промолчала, а на следующий день вдруг огорошила сына неожиданным заявлением. Протянула бумажку, на которой было написано десять цифр, и выдала приказным тоном, точь-в-точь как у их командира взвода:

- Это телефон Николая Владимировича. Позвони ему.
- Какого еще Николая Владимировича? – не понял сын.
- Какого-какого... Пороха. Давай звони, лучше прямо сейчас.

Иван только что рот не открыл. Порох был крупнейшим криминальным авторитетом, держал под собой половину Пригорска и единственный в городе ездил на «шестисотом» «мерсе». И с этим человеком мать договорилась о встрече? Ну, дает!

И ведь встреча действительно состоялась! Тот первый разговор с Порохом крепко вправил мозги Ивану. Для начала уважаемый человек ехидно и довольно зло посмеялся над их с Сазоном идеей ограбления обменника и доходчиво объяснил, почему о таких вещах даже думать не стоит. По его словам выходило, что ментовка и тюрьма были бы наиболее благоприятным исходом для парней, задумавших промышлять в чужих владениях. Но главное было не это. За короткое время беседы Порох дал Ивану понять, что времена изменились, дела делаются уже совсем не так, как в девяностые, да и люди, которые их осуществляют, уже совсем другие.

– Вот что, пацан, – сказал ему тогда Порох. – Я с тобой только ради матери твоей балакаю. Уважаю ее, авторитетная тетка, одно слово – баба с яйцами. Раз она попросила, так и быть, возьму тебя к себе, присмотрюсь, понравишься – оставлю.

Иван аж задохнулся, услышав такие слова, но Порох жестом приказал ему молчать.

– Рот закрой! Тебе слова не давали, молод еще. Слушай, пацан, ты вот что... Займись-ка еще и делом. Учиться вот ступай, мать говорила, у тебя котелок варит.

– Что-что? – растерялся Ваня.

– Не догоняешь? Учиться, говорю, иди, в институт поступай. Человеком будешь.

– В какой институт? – промямлил удивленный Иван.

– Да хоть в наш, педагогический, – отвечал авторитет, усмехаясь. – Там бабы одни, так что прям в малинник попадешь.

Вот так Ваня и стал студентом. Из армии он пришел в апреле, а уже в июне, не успев как следует насладиться гражданской жизнью и нагуляться с друзьями и девицами, подал документы в педагогический институт на факультет физкультуры. Знаний у него в голове не было никаких, но к нему, парню, да еще после армии, да еще кандидату в мастера спорта, педагоги проявили на вступительных экзаменах необычайную лояльность. Благодаря им и помощи очкастой абитуриентки, которая рада-радешенька была поделиться с ним своими «шпорами» и «бомбами» (даже полностью готовое сочинение ему подсунула, Ивану оставалось только переписать его своей рукой), он поступил на первый курс педагогического вуза. Учиться было несложно. С физкультурой у спортсмена и отставного десантника никаких проблем не возникало, а в остальных дисциплинах охотно помогали как сокурсники, так и преподавательницы. Девчонки, да и женщины постарше, просто обожали его, Иван беззастенчиво пользовался этим и гордо носил себя по коридорам института. Лидер по натуре, решительный, волевой, властный, он к тому же обладал тем типом внешности, который некоторое время спустя стали именовать брутальным – высокий рост, широкие плечи, накачанная фигура и тяжелая квадратная челюсть. Юные девушки, да и многие не очень юные девушки уверены, что подобный облик выступает гарантией мужественности, как-то не задумываясь о том, что мужественность – это не только мускулы, а прежде всего характер и отношение к жизни.

Некоторые девицы и дамочки из числа вздыхавших по нему – дочери, жены или подруги обеспеченных «папиков» – намекали Ивану с разной степенью прозрачности, что готовы решить его финансовые проблемы, но парень упорно делал вид, что не понимает намеков. Деньги он любил (а кто их не любит?), но получать их такой ценой казалось как-то несолидно, не по-мужски. Лучше уж «работать» на Пороха. Не сказать чтобы авторитет осыпал Ваню золотом с ног до головы, но, по крайней мере, и поручениями не слишком напрягал. Так, сопроводить шефа на стрелку, вправить мозги кому-нибудь, кто слов не понимает, и прочее по мелочи.

Словом, при Порохе Ване жилось вполне себе сносно. Хуже стало потом, когда Пороха по-тихому убрали люди Хана, татарина, неожиданно для всех приехавшего в город и решившего подмять Пригорск под себя. Пацаны тогда струхнули, попрятались по норам, и Иван, учившийся уже на четвертом курсе, решил последовать их примеру. Да, нелегко ему пришлось, неприятно было остаться без финансирования. Ведь на тот момент в его жизни уже появилась Олеся, самая красивая и эффектная девушка их потока, а может быть, и всего института.

Впоследствии они с Леськой никак не могли решить, кто же на кого обратил внимание первым, каждый уверял, что это сделал другой. Но, разумеется, в том, что они сошлись, не было ничего удивительного, даже наоборот, их союз стал самой что ни на есть закономерностью, поскольку, как гласит народная мудрость, если двое краше всех в округе, как же им не думать друг о друге? Иван и Олеся поступили в институт в один год, но поскольку учились на разных факультетах, то встретились только на втором курсе, зимой, на общеинститутском празднике, посвященном юбилею вуза. И каждый из них, увидев другого и проводив внимательным взглядом, тут же спросил у своих сопровождающих: «А это кто?» – и получил исчерпывающий ответ. И каждый заметил другого, и запомнил, и с тех пор издали наблюдал, но сделать первый шаг не спешил, потому что ждал первого шага с другой стороны. И продолжалось так целых два года, даже больше. До тех пор, пока оба совершенно случайно не столкнулись на улице у входа в недавно открывшийся в Пригорске супермаркет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.